

ВЛАДИСЛАВ КОНЮШЕВСКИЙ

ПО ЭТУ
СТОРОНУ ФРОНТА

Попытка возврата

Владислав Конюшевский

По эту сторону фронта

«Лениздат»

2009

Конюшевский В. Н.

По эту сторону фронта / В. Н. Конюшевский — «Лениздат»,
2009 — (Попытка возврата)

ISBN 978-5-9942-0333-0

До конца войны остаются считанные месяцы и бойцы Особой группы Ставки, нацеленные на поиск объектов Аненербе, неожиданно получают другой приказ. На этот раз действовать им придется не в немецком тылу, а на освобожденной территории. Недовольный Илья Лисов считает это «отрывом от основной работы», не предполагая, во что может вылиться выполнение нового задания.

ISBN 978-5-9942-0333-0

© Конюшевский В. Н., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владислав Конюшевский

По эту сторону фронта

Глава 1

Как говорится – жить хорошо! Расстегнув ворот гимнастерки, я с удовольствием вдыхал свежий, пахучий воздух, который после утреннего дождя особо сильно благоухал розами, растущими в здоровенных клумбах около входа. Правда, через несколько секунд сменившийся ветерок принес запах жизнедеятельности крупного рогатого скота, но это только добавило изюминки в почти пасторальный пейзаж. А что, действительно – хоть картины рисуй. Высокое светло-синее небо с редкими облаками выгодно подчеркивало ухоженный лесок недалеко отсюда, и крохотная речка, пересекающая луг, тоже замечательно вписывалась в общий план. Эх, жалко, я не художник, а то бы такое полотно намалевал!

– Апатьев, трясца твоей матери! Ко мне! Бегом!!!

Вопль, донесшийся из-за хозпостроек, несколько сбил общий романтический настрой и нарушил возвышенное состояние души. Угу... дадут тут порисовать, как же! Особенно если ты находишься в нашей, непобедимой и легендарной...

Тут и без меня художник на художнике сидит, да критиком подгоняет. Такие мастера встречаются – одуреть можно! И живой пример – старшина. Вот ведь неугомонный мужик: с раннего утра, аки пчелка, уже весь в трудах и «строит» бойцов охранного взвода, только перья летят. Что-то они там ночью напортачили, и теперь Ничипоренко проводит быстрое, но эффективное расследование.

Я прислушался... Ну точно! Судя по крикам, ребятки сад немецкий «бомбанули», который в километре от нас находится, а огрызки прямо под окно расположения накидали. Это они явно не подумавши сделали, потому что ночной рейд прошел успешно, только вот мусор под окном их выдал с головой. На сад Грине по большому счету плевать, но имело место быть самовольное оставление части, да еще и по предварительному сговору с дневальными. И в связи с этим старшина, моментом вычислив виновных, перечислял нарушенные статьи устава, а также что им может впасть трибунал, если дело дойдет до этого судебного органа.

Слушая его изыски, я с удивлением для себя понял, что расстрел вовсе не является высшей мерой социальной защиты. Оказывается, военные юристы помимо разнообразных половых извращений широко практиковали кастрацию, натягивание глаза на жопу и выворачивание матки. Вот ведь затейники!

Было, правда, несколько непонятно, как все эти действия можно произвести с человеком одного пола. Тут уж или кастрация, или выворачивание. Но старшина, наплевав на подобные тонкости, приводил все новые и новые примеры вариантов наказания. В этом Нечипоренко был неиссякаем, как святая инквизиция.

В конце концов, видимо устав, крикун замолк, потом послышались звуки плюх, и голоса начали удаляться. Ну да, как обычно – добрый Гриша в миллионный раз не стал доводить дело до высоких инстанций, а решил проблему в тихом семейном кругу. Раздав всем сестрам по серьгам, он предупредил, что «это в последний раз» и теперь будет зверство. Наверняка сейчас произойдет или долгое наматывание кругов по лугу, или торжественное захоронение всех собранных огрызков в сверхглубокой яме. Но наш хохол наблюдать за бегом не любит, поэтому я больше склоняюсь ко второму варианту.

О! Так и есть! Не прошло и нескольких минут, как шестеро бойцов с лопатами, носилками, в полной боевой, вывернув из-за сараев, понуро побрели в сторону речки, подгоняемые старшиной. Увидев меня, Нечипоренко дал команду, и они, вскинув свои орудия производства

на плечо, перешли на строевой шаг. Я же, помахав ладошкой Грине, посмотрел на солнце, чихнул и занялся тем, за чем, собственно, и вышел.

Поставил ногу, обутую в новенький хромовый сапог, на ступеньку и, подцепив ваксу из большой банки, принялся орудовать щеткой, напевая под нос:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...

Здесь земля, правда, была не советская, но от этого пелось не хуже. Да что там «не хуже» – лучше! Потому что земля была немецкая. Причем такая немецкая – круче не придумаешь. Именно отсюда постоянно выползали все тевтонские псы-рыцари, короли и разнокалиберные фрицевские военачальники. А теперь все – довыползались! Позавчера гитлеровские войска были полностью выбиты с территории Восточной Пруссии. А кто не пожелал выбиваться, те, в полном соответствии с доктриной советского командования, были уничтожены. И поэтому пелось особенно хорошо:

Кипучая, могучая,
Никем непобедимая,
Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая!

Когда уже заканчивал наводить последний лоск, полируя голенища бархоткой, варварски отрезанной от портьеры, большая входная дверь открылась и на крыльцо особняка, где сейчас располагалось наше хитрое подразделение, вышел сияющий, как новенький пятак, Серега Гусев. Одернув зазвеневший регалиями мундир, он с удовольствием, прямо как я, вдохнул утреннюю прану и бодрым голосом спросил:

– Все поешь, певун?

– А что мне, рыдать что ли? Лето на дворе, птички поют, сапоги вон новые достал. Не жизнь – малина!

– Это точно! Кстати, про малину – чего это Нечипоренко с утра разорялся?

– Да бойцы себе решили увольнительную устроить, в район ближайшего сада. Вот теперь будут бить шахту до центра Земли и закапывать остатки своих трофеев.

– Правильное решение. А то распустились тут! Твои, надеюсь, ночами не бегают?

Командир хитро посмотрел на меня, видно намекая на общую прожорливость некоторых членов разведгруппы.

– Не царское это дело, офицерам сады шерстить. И еще, командир, у меня тут в связи с намечающимся мероприятием вопрос один появился...

– Ну? – Гусев, почуяв подвох, перестал улыбаться и насторожился.

– Почему мы практически никогда не были летчиками? Разными химиками, саперами, связистами, пехотой – сколько угодно. А вот летную форму надевали только в сорок первом, причем когда летуны крайне непопулярны в народе были. В Рогутино, помнишь, бабки даже побить хотели, когда крылышки на петлицах увидели...

– Пхр! – Серега, хрюкнув, выпучил глаза. – И зачем? Чего это тебя в ВВС потянуло?

– А того! – Оглядев начищенные до синих искр сапоги, я бросил тряпку на банку и, с хрустом потянувшись, ответил: – Конечно, понятно – режим секретности и все такое прочее, но ведь жаба давит... Прикинь, вчера на перекрестке девчонка-регулировщица *так* улыбнулась какому-то летному капитану, что он чуть из машины не выпал. Ну конечно, у него вся

грудь в орденах, как в бронежилете – пуля хрен возьмет. А у меня? Ты ведь кроме «Красной Звезды» и медалей запрещаешь что-либо надевать, поэтому я был лишним на том празднике жизни. В мою сторону синеглазка с жезлом и не посмотрела... Абыдно, д-а-а! А ведь будь на нас летная форма, то и орденов без всяких подозрений можно было бы больше надеть.

Командир закурил и, прищутив глаз от дыма, решил съехидничать:

– Это тебя не жаба, а гордыня заела. Только чего мелочиться? Сразу цепляй все награды да свою форму полковника НКВД до кучи. А на машину транспарант – «Спецотдел ставки». То-то немецкая разведка порадует! – И, видя, что я пытаюсь возразить, командным голосом добавил: – Так что, товарищ *майор*, не бузите и с гордостью носите пехотные погоны!

– Я и ношу, товарищ *полковник*. Только ведь... в город едем. Там же наверняка барышни будут, а я – как лох тыловой...

– М-да... – Сергей притворно-осуждающе покачал головой. – И это говорит женатый человек...

– Кто женатый?! Штампа нет, а с таким малохольным начальством я до своей невесты, чтобы поступить с ней как честный человек, только к старости доберусь!

– Ты... – Гусев опасливо оглянулся и, увидев, что нас никто не услышал, успокоился, пробурчав: – Чего орешь?

– Не ору, а намекаю. А вообще, разговаривая с тобой, постоянно задаюсь вопросом: где, – я поднял очи горе, – ну скажи мне, где тот веселый, компанейский и душевный парень, с которым мы ели кашу из одного котелка да за передок ходили? Нет его. Осталось только пузо, снобизм и генерал-майорские, то есть вру – «полковничьи» погоны.

Сергея от такого нахальства поперхнулся и, возмущенно стуча себя по впадине, где должен был располагаться живот, завопил:

– Какое пузо? Где ты его увидел? На себя посмотри, кабан! Морда скоро шире плеч будет!

Вообще, настроение у нас обоих было фестивальное, и шутливая перебранка только подчеркивала данный факт. А чего бы не радоваться? Погоды стоят теплые, мы живые, да и войне, судя по всему, скоро конец. Вот и веселимся, тем более что только позавчера новые награды обмывали, вчера слегка «умирали», а сегодня как огурчики!

Минут через пять, когда нам обоим уже надоело гавкаться, командир нетерпеливо спросил:

– Слушай, подпольный майор, я не понял, где машина? Договаривались ведь в восемь выехать. Что-то ты совсем своих орлов распустил.

– Они такие же мои, как и твои. А время только без десяти, так что все нормально. Просто Шараф Гека со Змеем к артмастерам с утреча повез, оружие новое отстреливать. Сейчас уже подыхать должен.

Мы закурили, а я, вспомнив, как пацаны, увидев новые автоматы, вопили от восторга, только ухмыльнулся. Гек о них два месяца бредил, с тех пор как впервые побывал на испытаниях АК-43. Уже тогда, урча от вожделения, он попытался умыкнуть «калашникову» прямо со стенда. Остановили напарника только моя зверская морда да ор генерала – начальника военприемки.

Ну ничего, зато сейчас пацаны оторвутся. Вон, только вчера вечером получили новенькие «43» и РПК¹, а сегодня с раннего утра уже умотали их пристреливать и отлаживать. Даже от поездки в город ради этого отказались. Только мы такой момент упускать не будем – «калаш» никуда не денется, а вот на Браунсбург когда еще посмотреть получится, неизвестно.

Вообще, для советских войск политотделами была разработана целая культурная программа. Солдаты из запасных полков не только отсыпались да отмывались. Им постоянно крутили фильмы, приезжали бригады самодеятельности и просто популярные артисты, устраива-

¹ Ручной пулемет Калашникова.

лись разнообразные спортивные соревнования и давались увольнительные. Единственно, когда армия вышла за границы СССР, с увольнительными стало гораздо хуже.

Но так как людям было интересно посмотреть житие «буржуев», не пребывающих в состоянии войны, то командование приняло решение об ознакомительных поездках по ближайшим городам и городкам. Вот именно под этой маркой я и предложил желающим устроить себе увольнительную с культурно-познавательной программой. Благо время позволяло. Гораздо интереснее, конечно, смотаться в столицу Восточной Пруссии, но мы больше времени на дорогу потратим, чем на осмотр королевского дворца, одноименных ворот и главное – шикарного зоопарка.

Хотя, если получится, то надо будет найти время и все-таки туда съездить. Ведь в *этой* реальности Кениг остался практически целеньким. Гарнизон города, увидев, во что превратился Кенигсбергский укрепрайон после массированного применения тяжелых ОДАБ и напалма, *очень* сильно задумался. Поэтому, когда советские войска подошли к городу, коменданту было сделано предложение, от которого он не смог отказаться.

В виде демонстрации был совершен только один налет Пе-8² – на форты, прикрывающие город. Ну, чтобы показать серьезность намерений. А после этого наши выдвинули ультиматум – либо гарнизон складывает оружие, либо сердце Восточной Пруссии будет стерто с лица земли. Причем советским командованием было предложено вывести мирное население из города-крепости. Дескать, русские войска воюют не с немецким народом, а с гитлеровцами, и незачем подвергать опасности женщин, детей и прочих непричастных граждан. На все про все давалось пять дней, после чего, для сохранения жизни своих солдат, Черняховский прикажет раздолбать Кенигсберг издалека – артиллерией и авиацией.

Что могут сделать напалм, ОДАБ³ и пятитонные фугаски в густонаселенном городе, фрицы себе представляли хорошо. А кто не представлял, достаточно было посмотреть на дымящиеся руины форта, чтобы принять правильное решение. Один день там было тихо, а потом, к всеобщему удивлению, начались бои между частями СС, желавшими воспрепятствовать бегству гражданских из города и армейцами, которые вписались за гражданских. Правда, они были недолгими – на третий день ультиматума комендант Отто фон Ляш, прикинув шансы, принял решение о капитуляции.

Фюрер в знак протеста сожрал в рейхсканцелярии все половички, но Ляшу на это было уже плевать⁴. В качестве военнопленного он отбыл сначала в штаб фронта, а потом в Москву. Так что, благодаря всем этим событиям, Кенигсберг будет, наверное, первым крупным немецким городом, практически не тронутым войной и захваченным нашими войсками.

* * *

Сделав последнюю затяжку, я щелчком отправил «бычок» в кусты, и в этот момент послышался шум мотора. Глянув на часы, пихнул в бок Гусева:

– Без пяти восемь. Все как в аптеке. *Мои* орлы никогда не подводят!

– Хм... они такие же твои, как и мои...

Я только руками развел:

– Ну, считай – уел!

Тем временем к нам подрулил открытый «виллис». Сидевший рядом с водителем Марат, ловко спрыгнув на посыпанную гравием дорожку, поздоровался и вопросительно посмотрел на нас. Полковник успокаивающе кивнул:

² Советский четырехмоторный тяжелый бомбардировщик дальнего действия.

³ Объемно детонирующие авиационные бомбы (недалекие журналисты их любят называть вакуумными бомбами).

⁴ Исторический факт – А. Гитлер, находясь в ярости, падал на пол и принимался грызть угол ковра.

– Едем, едем. Все как договаривались. – И, плюхнувшись рядом с водителем, скомандовал: – Грузитесь, чего ждете?

Марат, ухватившись за дугу, закинул себя в джип. Я сделал то же самое, но уже приземляясь на сиденье, почувствовал, как в левую ягодицу втыкается что-то твердое и явно железное. Машина рванула вперед, поэтому сразу привстать не получилось и, шипя сквозь зубы от боли, пришлось несколько секунд бороться с инерцией. В конце концов все-таки удалось отодвинуться и рассмотреть, что именно пыталось лишить меня девственности.

В зажимах торчал ППС, затвор которого чуть не порвал новенькие диагональные галифе. Повернувшись к Марату и страдальчески потирая ушибленное место, я возмущенно спросил:

– Шараф, на хрена ты эти железяки сюда напихал? Хоть бы предупредил...

– Вот черт! Извини, Илья... А автоматы взял, чтобы как в тот раз, когда вы в засаду попали, не получилось.

М-да... это он правильно придумал. Еще раз скакать с одними пистолетами против диверсионной немецкой группы мне вовсе не улыбалось. Поэтому, молча кивнув в ответ и устроившись поудобнее, я, подставив лицо теплему ветру, стал разглядывать редкие войсковые колонны, которые, как и мы, шли в сторону Браунсбурга.

По хорошей дороге от места нашего базирования до города можно было доехать буквально за двадцать минут. А дорога была хорошей: не пожалели фрицы бетона на строительство. И выглядит эта трасса больше похожей не на автостраду, а на взлетно-посадочную полосу.

Хотя что это я? Ее ведь именно так и использовали совсем недавно. Когда полевые ВПП раскисли от дождей, а сборно-разборное покрытие еще не подвезли, наша авиация работала с этой «берлинки». Летуны быстро сообразили, что лучшего просто нечего желать, и, перебравшись ближе к дороге, стали наносить удары именно с нее. Кстати, настолько хорошо и в нужную сторону, стали соображать не только летчики...

Два месяца назад, услышав сводку о действиях Красной армии на севере, я полностью выпал в осадок. Тогда, в середине мая, был высажен крупный морской и воздушный десант в Норвегии. Снабжение войск шло через Финляндию, которая, капитулировав и до ужаса боясь разозленного «большого соседа», шла на все, лишь бы никак его больше не раздражать. Хитрые финны даже интернировали немецкие корабли, находящиеся в их портах, и блокировали германские гарнизоны на своей территории. Причем все это было сделано еще до того, как наши войска вошли в Хельсинки.

Вообще, в тех местах военные действия закончились настолько быстро, что в Германии даже отреагировать толком не успели. А вот когда русские блокировали Норвегию и, соответственно, прекратили все поставки руды, то немцы взвыли, но было уже поздно. Сначала десантники отразили яростные попытки гитлеровцев сбросить их в море, а потом подошедшие войска поставили жирный крест на возвращении Норвегии под контроль рейха. Там даже английские моряки отметились, слегка пощипав корабли Кригсмарине, спешащие на помощь своей избиваемой группировке.

Вот фрицы и сдулись, тем более что разорваться напополам они не могли. Просто одновременно с боями на севере начался «Смерч». Именно так называлась операция по окружению и уничтожению группы армий «Центр» в Польше. А я ведь поначалу сообразить не мог, что за странные дела вокруг пшеков в генерал-губернаторстве творятся? Зато потом все выяснилось...

Четвертый Украинский фронт, выведенный из резерва, ударил с юга, а Первый и Второй Белорусские – с севера. Ох и мясорубка там была, особенно в городах, за которые немцы зубами цеплялись. К сорок четвертому году тех же гранатометов в вермахте стало просто немерено, поэтому в условиях городских боев фрицы с успехом компенсировали ими свою нехватку тяжелой техники.

Но Красная армия, в последние годы набравшаяся бесценного опыта, с успехом применила тактику, разработанную еще в боях за Харьков, поэтому немчуре приходилось крайне туго. Да и советские танки, тоже к этому времени несколько видоизменились. Теперь без защитного противоккумулятивного экрана, поставленного в мехмастерских, ни одна «коробочка» в бой не выходила. Новая же техника шла сразу со штатными экранами.

А уж КПВ⁵ в городских боях показал себя с самой лучшей стороны. БТР⁶ в населенные пункты старались не пускать, чтобы их не пожгли, поэтому тяжелые пулеметы использовали на колесных станках, которые расчеты катали вручную. Против снайперов и гранатометчиков «крупняк» работал выше всяких похвал.

И еще одно – слушая сводки, я первый раз в жизни обозвал Сталина «гнилым либералом». Про себя, конечно, но от этого не менее злобно. Обозвал из-за того, что он запретил применять по польским городам «жупел» – так в народе называли напад и объемно-детонирующие боеприпасы. Перед Европой, небось, неудобно было... А наши ребята из-за этой щепетильности лишние потери несли. Хотя с другой стороны...

Пусть в мое время и называли Виссарионыча «кровавым палачом», но он никогда никого без крайней нужды не уничтожал. Даже крымских татар после всех их художеств хотел просто выслать в Казахстан. Только Колычев, который к тому времени стал главой НКВД, имел с ним крупный разговор. И когда на политбюро обсуждали этот вопрос, то пришли к мнению, что закон должен быть один для всех. Если по закону положено предателя, выступившего с оружием на стороне врага, уничтожить, то его надо судить, а не высылками заниматься. И что это в корне неправильно – одних осуждать по существующим статьям, а для других делать поблажки. Мол, массовость предательства не отменяет принятого законодательства.

До меня даже дошли слова, которые «тиран» сказал на том выступлении: «Я не Господь Бог, чтобы уничтожать целые народы, но если Политбюро так решило, то я *вынужден* согласиться с его решением». Так что, мне кажется, теперь не будет «незаконно репрессированного народа». Будут вполне законно судимые отдельные его представители. Интересно только, что-нибудь после этого от крымчан останется, если они целыми аулами выступали на стороне оккупантов? Понятно, что расстрельные статьи будут давать только особо отличившимся, но ведь и 15 лет лагерей тоже не сахар. М-да... вот теперь и можно прикинуть, зло или благо сделал в моем времени Сталин, когда, нарушив закон, всех предателей просто выслал подальше.

Так что либеральных взрывов у Верховного хватает не только в случае с Польшей. С другой стороны, как говорится – «жираф большой, ему видней». Может, Сталин и был в чем-то прав, не давая поводов к лишним претензиям для «мирового сообщества», тем более что фрицы даже без особых бомбежек были окружены, а потом и выбиты из польских городов. Полевые же укрепления перемальвались издалека, поэтому по окончании боев группы армий «Центр» как организованного воинского соединения просто не стало.

Часть немцев сумела пробиться из окружения, но более трехсот пятидесяти тысяч одних лишь пленных показали, насколько советские командиры стали превосходить немецких в классе. В общем, я так считаю, после «Смерча» путь на Берлин был практически открыт.

Единственное, что сдерживает сейчас армию, так это постоянно отстающие тылы. Ну и конечно, действия гитлеровцев, которые после потери Пруссии как с ума посходили. Но теперь надолго их точно не хватит. Помимо норвежской руды, они успели потерять все нефтяные, марганцевые и бокситовые месторождения в Восточной Европе. Так что гитлерю-

⁵ Крупнокалиберный пулемет Владимирова (14,5 мм). По сей день является одним из самых мощных (в своем классе) пулеметов в мире.

⁶ Бронетранспортер – боевая бронированная машина, предназначенная для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений к месту выполнения поставленной боевой задачи. При отсутствии у противника противотанковых средств, БТР может поддерживать пехоту пулеметным огнем.

генду сейчас самое время заниматься сбором металлолома, чтобы не пришлось делать танки из фанеры...

Хотя насчет фанеры это я погорячился. Танков у немцев еще хватает. С запада они перебрасывают все что можно, лишь бы заткнуть брешь, образовавшуюся после потери группировки «Центр». Только все равно эти части не чета тем, что постоянно находились на Восточном фронте...

Да и союзнички, видя такое дело, активно зашевелились. Нет, вторым фронтом пока не пахнет: уж очень сильно американцы завязли на Тихоокеанском ТВД, но после «грандиозной» победы в бедуинской Африке и долгой возни на Сицилии совместные войска наконец решили высадиться в Италии. Губастый дуче был уже полгода как смещен, и новый премьер – Бадольо, только узнав о высадке антигитлеровских сил на материковую Италию, сделал финт ушами и тут же объявил Германии войну. Но итальянские войска отказались воевать как за Германию, так и против оной, и просто разбежались по домам. Поэтому высадившихся встретили те немецкие дивизии, которые еще не были отозваны на Восточный фронт. Дивизий там было – плюнуть и растереть, но союзнички и здесь умудрились облажаться, плотно завязнув в районе Флоренции.

После всех этих перипетий и катаклизмов даже у Геббельса стало пропадать своеобычное красноречие. Он стал как-то сбоить, все больше призывая к храбрости, грозясь фундервафлей и объясняя все победы русских «сокращением линии фронта». Дескать, это не Красная армия гонит немцев, а они сами «сокращают линию фронта», дабы, сократив ее до нужных размеров, ударить так, чтобы дойти сразу до Урала.

М-да... передергиванием фактов главный пропагандист рейха сильно напоминал выступления лорда Джадда. Только Геббельсу уже почти никто не верил. Немцы были не дураки и понимали, что такими темпами все решится уже к осени...

* * *

За всеми этими глобальными мыслями я не заметил, как джип сначала постепенно замедлил скорость, а потом и вовсе остановился возле большой группы солдат, митинговавших на обочине. Причем от фольварка, стоящего неподалеку, подбегали все новые и новые бойцы. Гусев, приподнявшись с сиденья, начальственным голосом спросил:

– Что здесь происходит? Старший, ко мне!

Ближайшие к нам мужики, увидев незнакомого полковника, быстренько раздались в стороны, а из толпы выскочил боец в плащ-палатке с какими-то очумелыми глазами и, козырнув, доложил:

– Старшина Пузырьков! Товарищ полковник, мы тут... мы... это... мы – Гитлера поймали!

И дернул к себе человека, до этого скрытого его широкой спиной. Хорошо, что я и так сидел, поэтому только рот открыл, рассмотрев, *кого* нам демонстрирует бравый старшина. Серега, увидев то же, что и я, просто молча плюхнулся мимо сиденья и выпал из машины. Марат с шофером выразились одинаково и совершенно нецензурно. В этом слове было все – и зависть, и восхищение, и недоверие, и ошарашенность.

А демонстрируемый нам Гитлер понуро стоял в толпе советских солдат и, отсвечивая светофорным ухом, вытирал юшку, бегущую из носа на знаменитые усики. Потом, подняв глаза на сидящего рядом с машиной Гусева и разглядев его погоны, фюрер начал что-то быстро и нечленораздельно бормотать. Старшина на это бормотание грозно рыкнул, от чего глава Германии моментально замолк, прикрывшись обеими руками.

У меня за это время пронесся миллион мыслей. Начиная с того, что откуда *здесь* мог взяться рейхсканцлер и заканчивая тем, что *всяко может быть*. Опять-таки вживую я бес-

новатого не видел – только на фотографиях. А загвоздка в том, что фотографии уже давно слились в памяти с плакатами *Кукрыниксов*, поэтому все еще больше запутывалось. Но ведь как похож-то...

Секунд пять стояла тишина, нарушаемая только ревом проезжающей мимо техники и сопением толпы, после чего командир первым взял себя в руки. Поднявшись с таким видом, будто он просто так решил посидеть на земле возле «виллиса», Серега навис над Гитлером и спросил по-немецки:

– Имя, фамилия?

Фюрер, услышав родную речь, пустил слезу и шепеляво начал объяснять, что он здешний почтальон Вильгельм Штеер. Что его за последние пять дней уже третий раз арестовывают как Гитлера (кстати, Гитлер капут). Арестовывают и каждый раз, прежде чем господа офицеры успевают выяснить его личность, бьют.

Первый раз его поймали наши танкисты и выбили два зуба. Второй раз это были кавалеристы. Они сбили его лошадей, а потом выбили еще один зуб. И вот в третий раз Штеера отловили пехотинцы. Бдительный после предыдущих экзекуций почтальон на минутку потерял осторожность и неосмотрительно выполз из своего дома, где его сразу взяли за цугундер.

«Царица полей», для разнообразия, зубы свежепойманного фюрера щупать не стала, а по рабоче-крестьянски приложила в ухо. Когда же пойманный начал вопить, добавили по носу и принялись восторженно скакать вокруг пленника. А ведь он старый, больной человек. Инвалид...

Услышав про это, я заинтересованно спросил:

– И в каком месте ты инвалид?

Битый почтальон, задрав штанину, постучал себя по деревянной, ниже колена, ноге:

– Уже двадцать лет прошло, как я лишился ступни из-за травмы на скачках. Когда меня первый раз русские солдаты отвели к господину коменданту, он тоже моим словам не поверил и даже отвозил в советский госпиталь для проверки. Там врачи подтвердили, что ногу у меня отняли много лет назад и Гитлером (Гитлер капут) я быть не могу.

Марат, слушая монолог несостоявшегося фюрера, начал ржать. Серега тоже принялся кусать губы, а я сочувственно спросил:

– Слушай, дядя, а почему ты усы не сбреешь? Ведь из моды они, я так думаю, навсегда вышли. Да и зубов просто не хватит такую гадость на лице носить!

Штеер трагически вздохнул и ответил:

– Господин комендант, после первого раза, тоже дал совет сбрить усы, но тогда будет видна моя заячья губа... Вот, сами посмотрите...

Тут уже и я не выдержал. Закатился так, что, упав на капот джипа, начал дрыгать ногами. Солдаты сначала непонимающе смотрели на ржущих командиров, но Марат в двух словах объяснил им диспозицию. Тут уж ржать начали все, кроме Пузырькова. Не веря в такой ужасный облом, старшина помертвел физиономией, а потом непримиримо произнес:

– Я его все равно в особый отдел доставлю! Может, этот фашист все врет...

Вытирая слезы, я кивнул неудачливому ловцу:

– Ты его лучше сразу домой забирай – народу показывать будешь и перед девками хвастаться! А что, почти вылитый Гитлер, в натуральную величину!

Пузырьков обиженно насупился, но в этот момент в диалог вступил Серега. Приняв грозный вид, он встал перед почтальоном и выдал:

– Как полковник Красной армии я вам приказываю: после посещения коменданта обрить голову налысо и отрастить усы, как... как у этого сержанта, – в этом месте командир ткнул пальцем в бойца, обладающего шикарными буденновскими усами. – Приказ понятен?

– Цум бефель, герр оберст!

Почтальон так резво встал по стойке смирно, что чуть не упал, а Гусев, надув щеки, чтобы опять не заржать, скомандовал нам:

– Поехали!

Но прежде чем машина тронулась, он опять вдруг выскочил из «виллиса» и, подойдя к чуть не плачущему Пузырькову, который продолжал цепко держать Штеера за плечо, сказал:

– Старшина, вы все сделали правильно. От лица командования объявляю вам благодарность! – И, пожав растерянному бойцу руку пояснил, уже обращаясь ко всем: – К концу войны фашистские бонзы попытаются скрыться от справедливого возмездия! И у вас у всех, если вы проявите достаточную бдительность, есть шанс задержать кого-нибудь из этих убийц. Они могут скрываться под разными личинами, выдавать себя за разных людей, и только от вашего внимания будет зависеть, сядут ли эти палачи на скамью подсудимых или смогут избежать заслуженной кары. А вам, старшина, приказываю доставить задержанного в комендатуру или особый отдел вашей части для выяснения личности!

Спасенный от насмешек Пузырьков, вытянувшись, ответил:

– Есть! – И, гордо оглядев остальных бойцов, потащил почтальона в сторону фольварков.

А Гусев, плюхнувшись в машину, махнул рукой – дескать, вперед.

Джип проехал уже метров триста, когда я смог прийти в себя. Ткнув впереди сидящего полковника кулаком и перекрикивая обгоняемую колонну грузовиков, прокричал:

– Ну ты мастак речи говорить. И где только научился? Видно, не зря с политруками трешься!

Серега на подначку не повелся, просто подмигнул и опять уставился на дорогу, не желая надирать горло, а я, откинувшись на спинку, подумал, что таких вот случаев с поимкой «Гитлера» будет масса. В Германии подобная стрижка и усики очень популярны. Во всяком случае – пока. Бойцы же в основной массе о фюрере судят по плакатам и карикатурам. Так что не завидую я тем гражданским немцам, которые протянут со сменой имиджа – тут ведь не просто зубов можно лишиться, но и самой жизни. Нарвется фриц подходящей внешности на обоженного бойца, тот на любой приказ плюнет, лишь бы своей рукой эту змею шлепнуть...

Глава 2

А потом мы, словно три мушкетера, шеренгой ходили по городу, знакомясь с местными достопримечательностями. Хотя, как выяснилось в процессе осмотра, архитектура и памятники давно помершим монархам меня не очень увлекают. Скажу больше – совсем не увлекают. Все эти дома красного кирпича с узенькими улочками и крохотными площадями я уже видел. И разрушенные, и нетронутые войной. Гражданских девушек, которых тоже можно с интересом разглядывать, на улицах было очень мало.

Город был взят сравнительно недавно – фрицы еще простыни из окон убрать не успели, не говоря уж о том, чтобы заниматься прогулками. В основном встречались только наши солдаты да беженцы, толкающие перед собой детские коляски, набитые барахлом. Среди гражданских, конечно, попадались молодые и возможно даже симпатичные особы, но одно дело – смотреть вслед барышне, красиво одетой и весело цокающей каблучками по брусчатке, и совсем другое – видеть лица потерявших кров людей. Смотреть им вслед никакого желания не возникало. Даже вспоминая наших беженцев, я, глядя на серую колонну, не испытывал злорадства. Хотя и особого сострадания не испытывал тоже. Как говорится – за что боролись, на то и напоролись...

Гораздо большее сожаление у меня вызывали закрытые гаштеты. Ведь из-за желания попить пива я в основном и затеял всю эту поездку. Теперь же мы бродили от одной неработающей точки местного общепита к другой, расстраиваясь все сильнее и сильнее.

Один только раз слегка поднял себе настроение, когда на маленькой площади увидел статую рыцаря. Идентифицирующих подписей под этим истуканом не было, а морда была закрыта забралом. Обойдя вокруг каменной фигуры, я предложил Марату нацарапать на постаменте его имя, убеждая Шарафутдинова, что лица все равно не видно, а занять себе прижизненный памятник – это круто! Но напарник от такой славы с негодованием отказался, предложив взамен оставить мой барельеф на стене кирхи. Причем барельеф будет даже частично живым, так как он не садист, убивать до конца своего друга. Тут уж отказался я, и, попиная закрытую дверь очередной пивнушки, мы пошли дальше.

А потом Гусев, разглядывая крылато-зубастую горгулью, установленную на замкообразном здании, упомянул о всепроникающем немецком мистицизме, и я впал в раздраженное состояние. Да и было с чего! Фрицы ударяются в мистику и носятся со своим Аненербе, как дурни с писаной торбой. Советское командование, убоявшись возможных свершений гитлеровцев на этом поприще, переориентирует нашу спецгруппу, ставя ей новые задачи. Мы их и выполняем, вот только толку от всего этого...

Ведь единственный раз, в Бальге – замке, расположенном километрах в шестидесяти отсюда – получилось реальное дело! Правда, десантного полка, как было обещано ранее, нам в усиление конечно же не дали – за ненадобностью. Не дали и батальона. Но я на это даже не рассчитывал, так как после получения последних разведданных масштабы операции вовсе не предусматривали применения крупных сил. Выяснилось, что там не было ни военнопленных, ни крупных эсэсовских частей, которыми нас пугали на начальном этапе планирования. Данные оказались верны: приданной полуроты вполне хватило, чтобы разведчики совместно с «крылатой пехотой» взяли семерых «научников», две машины документации и странный прибор с огромной антенной. Как выяснилось, по задумке, эта штука должна влиять на погоду. Не в том смысле, что вызывать легкий летний дождь, а в том, что при ее помощи можно было сгенерировать полноценный ураган. Правда, только в теории. На практике у фрицев постоянно что-то не вырисовывалось. Только все равно это было хоть что-то!

Кстати, за Бальгу вся группа награды получила, а я, на сладкое, еще и внеочередное звание – полковник НКВД. Поэтому хоть и привык ходить в общевойсковых капитанских пого-

нах, пришлось отдать их Марату, а самому в соответствии с традицией, идущей еще с сорок первого года, стать майором.

Но после Бальги ничего толкового у нас не получалось. Более того – пошли потери, чего не случалось уже достаточно давно. При взятии объекта «Кирхбург» были ранены Козырев и Тельцов, причем Тельцов – тяжело. А под Пиллау чуть не покروшили всю группу. Во всяком случае, ранены были все...

Сам я в том бою заработал легкую контузию и частичное скальпирование гранатным осколком, а Пучков схлопотал пулю в ляжку. У остальных в основном осколочные, и ребята, отказавшись от госпиталя, обошлись медсанбатом.

И ведь главное, какой итог этих операций? В Кирхбурге всей добычи и было, что трое малоохолтных «профессоров» да здоровенный меч, над которым они тряслись так, что даже сбегать не успели, пока десантура воевала с охраной. Все лопотали – «клинок Зигфрида, клинок Зигфрида»... И толку нам с этой сабли? Если только как музейную ценность в Эрмитаж сдать? А Ванька за этот «клинок» осколок в голову получил. Думал, не доживет до эвакуации пацан... Но Тельцов выкарабкался, и его, слегка откачав, отправили в подмосковный госпиталь.

Зато при взятии точки под Пиллау разведгруппа и взвод десантников натолкнулись на сильное сопротивление. А главное – откуда «вирбель»⁷ выполз, я так и не понял. ЗСУ⁸ делов тогда наворотила от души. Ее счетверенная двадцатимиллиметровка пробивала толстые кирпичные стены влегкую, и мы потеряли восьмерых, прежде чем смогли поджечь эту гадюку.

Из гранатомета не получалось по ней отработать – уж очень удачное место фрицы выбрали для своей позиции. И выбить экипаж зенитки автоматнo-пулеметным огнем тоже не вышло, потому что обычно открытая башня была прикрыта бронелистом. Самоделкины гребаные! Для стрельбы по воздушным целям после тюнинга эта хреновина уже не годилась, зато против пехоты показала себя не хуже нашего «КПВ». Вот тут нас всех и чуть не накрыло...

Зенитка долбила как сумасшедшая, и осколки даже не снарядов – кирпичей – выбивали ребят одного за другим. Моих пока Бог берег, но десантников становилось все меньше и меньше. Оно и понятно – в начале, когда все только заваривалось, разведчики охраняли захваченных «языков», согнав их в более-менее нормальное укрытие, а десантура вела прямой бой. Но в конце концов, после очередной немецкой атаки и нам пришлось браться за автоматы. Только пока «вирбельвинд» не заткнули, все равно приходилось очень тяжело...

Хотя и потом не очень-то легко пришлось. У противников еще были два орудия 37 мм и легкая «двойка»⁹, не решавшаяся, правда, подходить близко. Но самым плохим было то, что немчуры откуда-то набегало все больше и больше, а патроны уже заканчивались. Так что нас бы все равно смяли, если бы не авиация да подошедшие через сорок минут после уничтожения «вирбельвинда» передовые части дивизии Лизюкова.

Лизюковцы, как позже выяснилось, наткнулись на грамотно спланированную танковую засаду и проваландались сверх означенного времени почти три часа. Я тогда всю рацию у десантников изнасиловал, интересуясь, когда подойдут наши, но мне отвечали:

– Ждите, ведем бой. Скоро будем у вас.

И так раз за разом. В конце концов у меня почти случайно получилось связаться непосредственно с Гусевым, и пользуясь моментом, пока слышимость была более-менее нормальная, я, прижимая трубку к уху, завопил:

– Гамаюн, здесь Колдун! Нас плотно зажали, несем потери. Немцы силами до роты непрерывно атакуют. С ними два орудия и легкий танк. Фрицы постоянно подтягивают резервы. «Четвертый» ведет бой в пяти километрах от нас. Короче – приплыли!

⁷ ЗСУ на базе PzKfw IV. В качестве вооружения имела четыре спаренные зенитные пушки Flak-38.

⁸ Зенитная самоходная установка.

⁹ Легкий немецкий танк PzKfw II

Обычно я редко паникую, но тут было можно, поэтому моментально перевозбуждившийся Серега заорал в ответ:

– Колдун, держитесь! Через пятнадцать минут к вам придут «горбатые»!¹⁰ Обозначьте себя ракетами красного цвета!

На это предложение я даже икнул от неожиданности. Ну Гусев, ну ухарь – удружил, гадский папа!

Нет, со штурмовиками мы еще в том году плотно контактировали. Ребята там знающие и опытные. Но ведь далеко не все! Тогда нас поддерживала элита, набранная чуть не со всего фронта, а что будет сейчас? Видел я, как фронтовая авиация обычно работает. Да они тут все раскатают, не особо разбираясь, кто где, тем более от замка до немцев и ста метров не будет. Разумеется, накроют не специально, но у меня уже рефлекс: видишь штурмовик – лучше спрячься в щель поглубже, а то они парни широкой души, и стометровый промах у них за промах не считается.

Поэтому, придя в себя, ответил:

– Гамаюн, отставить «горбатых»! Как понял?! Отставить! Говорю по буквам – Нина, Антон, Харитон, Ульяна, Йошкар-Ола!

– Колдун, прекратить панику. Работать будет «Сапсан».

– Понял, понял! Обозначаю линию обороны ракетами красного цвета! И подкиньте авиацию «четвертому», а то он буксует!

Что на это ответил командир, я не услышал, так как связь резко ухудшилась, а потом и вовсе пропала. Немного подув в трубку, в конце концов отдал ее радисту и побежал предупредить пацанов про ракеты.

То, что к нам идет «Сапсан», он же мой тезка Илюха Щербак, меня сильно воодушевило. Я с ним дело уже имел и знал, что он со своими ребятами относился именно к тем спецам, которые бомбу в печную трубу положить смогут. Так что отработают парни ювелирно – главное, чтобы фрицы наш разговор не прослушали и не начали при подлете штурмовиков пулять красными сигналками в нашу сторону. Но это вряд ли. Чтобы они сели на нашу волну, да еще и радист знал русский – на это шансов мало.

В общем, так и оказалось. Сначала авиация проутюжила лесопосадку перед замком, из которой волна за волной перли атакующие, а подошедшие вскоре части «четвертого», в миру – лизюковцы, сходу погнались фрицев дальше.

А в результате... В результате мы захватили семнадцать пленных, семеро из которых были «черными монахами» с Тибета. И занимались эти идиоты тем, что при помощи каких-то штук, напаянных на голову, пытались связаться с подводными лодками в Атлантике.

Как я там же, на месте, выяснил – безуспешно. Дебилы, блин! Такое впечатление, что они про изобретение радио ничего не слышали. Чем сидеть с проволочной конструкцией на голове, им было проще взять рупор жестяной, обыкновенный. Тогда шансов докричаться до подлodka было бы больше...

Правда, начальство было довольно и объявляло за этих хмырей благодарности, но я для себя понял – аферисты они все! Мне порой даже смешно становилось из-за своих прежних страхов насчет наличия у немцев каких-нибудь особо действенных артефактов. Да будь у Гитлера что-то по-настоящему рабочее, то он бы его давно применил.

Но так как Красная армия находится в Германии, а не наоборот, то все колдовское и потустороннее – это обычный блеф проигрывающей стороны.

И следующее задание, при всем начальном мистицизме, только подтвердило мои выводы.

¹⁰ Жаргонное прозвище штурмовика ИЛ-2.

* * *

А начиналось все совершенно обычно. Этим же днем, когда мы вернулись на базу, командира срочно вызвали к радистам. Ну вызвали и вызвали, я даже внимания на то не обратил, так как Серега каждый день общался как с Москвой, так и с кучей самых разных людей из штабов фронта и армий. В общем, он пошел к «маркони»¹¹, а я, столкнувшись в коридоре с шифровальщиком, обрадовался и, зажав рыхлого, сутулого и очкастого Бибина в углу, затребовал у него духовной пищи.

Семен Апполинариевич Бибин – двадцатитрехлетний нескладный младший лейтенант, в глазах которого, казалось, собралась вся печаль мира, очень любил книги и возил с собой целый чемодан всевозможной литературы. Еще он любил кошек и математику. На этом любовные предпочтения летехи заканчивались. По бабам Сеня не бегал, сослуживцев сторонился, водку не пил. Нормально общаться шифровальщик мог только со своим непосредственным начальником – Мишкой Северовым. Со всеми остальными он просто молчал, хлопал глазами и потел руками.

Лично я подозревал, что мамлей нас просто боится. Домашний мальчик из хорошей семьи, выдернутый с третьего курса физмата, внезапно для себя обнаружил, что мир состоит не только из формул, доцентов и профессоров. Оказывается, есть люди, которые разговаривают матом, не знают гипотезу Римана и при этом могут разбить кулаком стопку кирпичей. Поэтому Бибин в нашем обществе себя чувствовал как визажист среди боевиков Талибана.

Нечипоренко, блюдя устав и субординацию, сначала пытался как мог помогать младшему, но потом совершенно отчаялся. Гриня по секрету мне как-то сообщил, что если бы Бибин не был лейтенантом, то brave старшина «сделал бы человека из этого рохли и бездельника» буквально за две недели.

– Я понимаю, если бы он наставление по гранатомету или уставы изучал! – страдал Нечипоренко. – Дело важное и нужное. А то стихи читает, да еще не по-русски! И с людьми говорит так, что сразу и не понять, что он сказать хочет! Даже за личным оружием толком проследить не может! А еще москвич! Тьфу! Интеллигент!

– Ты еще скажи – «вшивый интеллигент».

– Як вшивый?! Он шо – опять белье на прожарку не сдал? Ну все! Сейчас же Северову доложу, пусть тот его вздрючит! А то не охфицер, а недоразумение!

Я пытался объяснить, что добавка «вшивый» не имеет к Бибину никакого отношения и что этот совершенно не подходящий для армии человек – на самом деле математический гений. Да и в своей работе он ас, но Гриня был непреклонен:

– Этот ас себе подворотничок пришить не может! Все пальцы исколет, а потом с нагноением в санчасть идет. Сапоги не чистит. Форма на нем как на корове седло! К нам генералы приезжают, а у этого чучела звездочка на погоне потеряна! Как его Северов терпит? Ладно Северов, как его товарищ полковник терпит?! А кто пистолет свой потерял? Это же вообще подсудное дело! Хорошо еще Карпухин все-таки нашел «ТТ» этого разгильдяя...

Тогда я, смеясь, с трудом успокоил старшину, но вот общее напряжение между народом в лице Гриши и «прослойкой» в лице Семена как было, так и осталось.

Правда Семка сам виноват. Нельзя быть настолько не от мира сего, а то живет полностью в своем виртуальном пространстве и выныривает исключительно на предмет поесть.

Только определение «интеллигент» тут наверное вовсе ни при чем. Тот же Андрей Волков – взводный у десантуры, по гражданской профессии был Семиным коллегой, а своих головорезов в кулаке держал и держит так, что они пикнуть против его слова не смеют.

¹¹ Жаргонное прозвище армейских радистов.

Я сначала, когда только познакомился с командиром приписанных нам десантников, подумал, что Андрюха кадровый военный. И лишь в процессе общения с удивлением понял, что он студент Бауманки, который, плюнув на положенную старшекурсникам «броню», ушел добровольцем на фронт. Так этот парень, как в мое время говорились, знает все: от Баха до Фейербаха и от Эдиты Пьехи до иди ты на ...! И в армейской среде чувствует себя как рыба в знакомом пруду. М-да, посмотрел бы я на то, что стало бы с Нечипоренко, назови он Андрюху «вшивым интеллигентом»...

А ведь Волков и стишками балуется, и Гегеля в подлиннике прочесть да откомментировать может. Но все это только добавляет ему веса в глазах окружающих. Так что, наверное, все исключительно от характера зависит...

Хотя по большому счету это не мое дело. Как шифровальщик Бибин Мишку устраивает, а меня устраивает как человек, у которого всегда можно перехватить интересную книжку.

Вот и в этот раз, взяв у Семки «Звезду КЭЦ», я, насвистывая, пошел в наше расположение, предвкушая перечитывание хорошей вещи.

Только вот почитать так и не дали. Когда я уже собрался плюхнуться на широкую бюргерскую кровать, прибежал посыльный и доложил, что меня вызывают к начальству. Пришлось отложить книгу и, надев португую, топать к Гусеву.

* * *

Когда зашел к полковнику, Серега задумчиво курил, рассматривая немецкую крупномасштабную карту Кенигсберга, разложенную на столе. Увидев ее, я сразу сказал:

– Даже не думай. Там все гаштеты наверняка тоже закрыты, а разглядывать кирхи и дома, похожие на казармы, у меня никакого желания нет.

Не обратив на эту реплику никакого внимания, командир буркнул:

– Садись и не трынди. Мне сейчас звонил Колычев. В общем, Илья, у нас крупный прокол. Этот город, – собеседник ткнул в карту, – захвачен уже тринадцать дней назад, а вот сведения, которые должны были проверить и доставить мы, я узнаю из Москвы...

– Какие сведения? Ты что загадками говоришь? «Языки» ни о каком пункте Ананербе в Кениге не говорили. Да и сам знаешь – эти «колдуны» стараются базироваться подальше от крупных городов. Во всяком случае те, кто над чем-то серьезным работает. А филиалы, занимающиеся расовой чистотой, арийской селекцией и прочим коллекционированием старинных германских преданий, нас не интересуют...

Серега на это молча встал, выглянул в тамбур и, убедившись, что там никого нет, тихо спросил:

– В твоё время что-нибудь было известно про лабораторию «Кенигсберг-13»?

Ага, вон куда разговор повернул... Про Калининград и слухи о подземном городе я рассказывал на гросс-допросе еще в прошлом году. Но вот про этот «13» сам слышу в первый раз. Командир тем временем продолжил:

– Иван Петрович предположил, что тебе может быть об этом неизвестно, но все равно приказал узнать, может, ты хоть что-то слышал про остров Кнайпхов, «Кенигсберг-13» и школу под названием «Куклы старой Магды»?

Я покачал головой.

– С Калининградом была связана целая куча легенд. И о подземных заводах, и о тайных лабораториях, и даже о том, что немецкое ядерное оружие где-то под ним спрятано. Но это все относится к байкам. Ведь что в моем времени, что сейчас, фрицы подорвали шлюзы, и что там осталось затоплено, бог весть... А про «Старую Магду» и этот остров в первый раз слышу. Он хоть где находится?

– Вот, – Гусев показал на карте, – видишь, как Преголе идет? В самом центре города образуется островок. Совсем крохотный, но кафедральный собор там расположен. Королевский замок тоже рядышком, только на правом берегу реки. И вообще, в этом районе застройка очень плотная. Вот где-то там и расположена лаборатория.

– А почему агентурные раньше молчали? Мы, как дураки, штурмуем отдельно стоящие замки, а здесь... Город почти две недели наш, и никто ни сном ни духом... да за это время все, кто там был, давно разбежались!

Сергеа задумчиво почесал бровь и признался:

– Я этот же вопрос Ивану Петровичу задавал. В общем, выяснилось, что школа «Старой Магды» была создана чуть ли не в прошлом веке. А может быть, и раньше, но первые упоминания идут с девятнадцатого века. С одной стороны, это клуб эзотериков по интересам, и все. По всей Германии их немерено, и проверяют подобные сборища другие спецкоманды.

– Во, видишь! А наш залет тогда в чем заключается?

Полковник на эту реплику никак не отреагировал, продолжив:

– Но аналитики из твоего «любимого» УСИ обратили внимание, что Кенигсберг английская авиация бомбила несколько раз. При этом постоянно была исключительно по Кнайпхофу и рядом, хотя военных объектов там нет совершенно.

– А этим мудакам англосаксонским только дай волю – они все, что отойдет в зону нашей ответственности, в пыль превратить готовы!

– Да не перебивай ты! Короче, там уже были особые команды НКВД, но ничего не нашли. Совершенно. Ни людей, ни каких-либо документов. Поэтому принято решение отправить туда твою группу.

– Зачем? По руинам погулять? И что значит – «нет людей»? Вон домов сколько на карте обозначено, что – все жители исчезли? Или эти охотники за мистиками забыли о такой вещи, как опрос свидетелей? Так пусть вспомнят и спрашивают местных, что там было и куда все делись. Может, «Кенигсберг 13» – это просто адрес?

– Не тебе одному подобная мысль приходила. В первую очередь проверили этот адрес. Там только разбитый дом, в котором располагалось общество «Пруссы». Тоже что-то мутное, но к «Старой Магде» отношения не имеющее. И у людей, конечно, спрашивали. Все об этой школе знают, все о ней слышали. Причем каждый из опрашиваемых болтал много, в основном пересказывая разные городские легенды, только вот местонахождение «Кукол» никто указать не смог. Строили предположения, и не более того...

– Может, бояться?

– Хм... – Гусев неопределенно хмыкнул, пояснив: – Нас на сегодняшний день они боятся гораздо больше. Исходя из этого, немцы из кожи вон лезли, чтобы помочь оккупационным властям, но все в пустой след... никакой конкретики – одни домыслы. Тут и появляется другая сторона. Зачем так сильно шифроваться обычному эзотерическому обществу? Ведь они все на самоокупаемости, а прячась, денег не зарабатывают...

– В таком случае надо искать местных богатееров, которые могли выступать спонсорами. – Тут Серега, по мере сил боровшийся с моими неологизмами, недовольно изогнул бровь, и я поправился: – Меценатами. Не афишируя, втайне, и при этом гордясь принадлежностью к тайному обществу. Тогда «Куклам» гоняться за массовым клиентом действительно смысла не было. Несколько хорошо башляющих фигур – и школа в шоколаде.

– Про это тоже подумали. Но наиболее жирные денежные тузы успели эвакуироваться, а та мелочь, что осталась, – разные лавочники да управляющие магазинами, – ничего сказать не может.

– М-да, загвоздка... А тогда с чего решили, что их штаб-квартира именно на Кнайпхофе или в его окрестностях находится?

– Это ты у аналитиков спросишь. Хотя мне информация прошла – восемь дней назад, в Кенигсберге, нашим патрулем были задержаны трое бандитов. Двоих застрелили, одного удалось взять живым. При них был найден мешочек с драгоценностями. В основном это были перстни с символикой, которую люди из НКВД опознали как знак принадлежности к «Старой Магде». Оставшийся в живых немец рассказывал, что их главарь хвастался, будто нашел вход в подземелье, где и украл это золото. Точного места своим сообщникам он, разумеется, не указал, лишь намекнул про Кнайпхоф. А это значит, что архивы и ценности тайного общества, вероятнее всего, эвакуировать не успели. Вот в УСИ связали все факты и доложили Колычеву.

Гусев снова закурил и, разогнав дым рукой, продолжил:

– Есть еще одна информация. На этот раз от немецких коммунистов. Похожа на байку, но ты ее на всякий случай тоже имей в виду.

Командир замолк, видимо, собираясь с мыслями, а я, глядя, как он пытается подобрать слова, решил подначить:

– Что, «кукольники» помимо заколачивания денег на оккультных аферах еще и «Рот Фронт»¹² втихоря поддерживали?

Но Серега, неожиданно серьезно взглянув на меня, на шутку не ответил, а просто озвучил то, что собирался сказать:

– В двадцать девятом году в Кенигсберг приезжал Гитлер. В Штадтхалле зал снял для проведения грандиозного митинга. Но перед этим с товарищами по партии, как это у них принято, нахлебался пива. А Восточная Пруссия вовсе не южная Германия, поэтому будущий фюрер простыл и охрип, словно сифилитик. Здешняя же журналистка данный факт подметила и написала весьма язвительную статью по этому поводу.

Я представил себе Алоизыча, толкающего многочасовую речь голосом Джигурды, и рассмеялся:

– Жалко, для потомков записи не сохранилось. Туда только добавить музыку – и получится новый джазовый исполнитель, похлеще Армстронга!

– А ты не очень веселись... На следующий день к той журналистке пришел молодой человек, принес цветы и наговорил кучу комплиментов. Хвалил за смелость и бескомпромиссность. А на прощание подарил плитку шоколада. Причем были свидетели, что он ей кроме комплиментов ничего не сказал. Но! Когда она после ухода посетителя развернула плитку и начала есть, то этот шоколад оказался напигован стеклом. Хруст по всему кабинету стоял! Люди, которые были в кабинете, пытались отобрать плитку, но та журналистка ее сожрала всю. Ногами отбивалась и ела...

Гусев замолк, а я, помотав головой, предположил:

– Блин... К ней что, гипнотизера сильного подослали? Хотя... остальные слышали, что он ничего особенного не говорил. Тогда как?

Командир тоже пожал плечами, ответив:

– Я не знаю как. Но ты имей это в виду и особенно ушами не хлопай. Конечно, возможно, все просто слухи, тем более что свидетелей не осталось, только лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Понял... Одного не пойму, с чего взяли, что к этому случаю «Школа старой Магды» отношение имеет? Может, Гитлер, того ухаря с собой привез?

– Может и так, только потом визитку на столе погибшей журналистки нашли. А на ней слова: «Уступи ему город». Это у школы после первой империалистической войны лозунг такой появился. Что он значит – непонятно, но звучит угрожающе.

¹² «Союз красных фронтовиков» (Roter Frontkämpferbund), созданный в начале 1920-х годов. Руководил «Рот Фронтом» Вильгельм Пик, с 1925-го – Эрнст Тельман.

М-да... вот и оставайся после такого махровым материалистом. Нет, и у нас подобные люди встречаются (один Мессинг чего стоил), но настолько сильных спецов по пальцам пересчитать можно. И что-то не хочется нарываться на подобный экземпляр с вражеской стороны. Такого поймаешь, а он мозги незаметно всем запудрит и в лучшем случае просто уйдет. А в худшем... в худшем принудит нас перестрелять друг друга. Ведь заставить нажать на курок, наверное, гораздо проще, чем заставить слопать напичканный стеклом шоколад...

Правда, прикинув исчезающе-малую вероятность данной встречи, я несколько взбодрился и ответил:

– Хороший лозунг. Несколько туманный, но зато дает простор воображению. Еще что-нибудь особо страшное есть?

– Нет. На этом вся мистика заканчивается. Остается боевая проза. Поэтому завтра берешь людей, машину и едешь в Кенигсберг. Там, в комендатуре, найдешь старшего лейтенанта Одинцова из особого отдела. Он будет вас сопровождать. Идете по-боевому. Ночами в городе еще перестрелки бывают.

– Я-то пойду. Только непонятны дальнейшие действия по прибытию. Созерцание руин королевского дворца? Что мы там делать должны? Или ты думаешь, что мы этих «школьников» отловить сумеем? Вместе со всеми директорами и завучами?

– Нет, но генерал-полковник сказал, что *очень* сильно рассчитывает на твою везучесть и умение находить выход из самых непростых ситуаций. Ведь именно из-за этого тебя вообще на фронт и отпустили. Поэтому сейчас предполагается, что ты хоть что-нибудь нароешь. Вон как в случае с покушением на Черняховского получилось...

М-да... Я уже давно заметил, что Лисова используют как «заячью лапку». Только зря Серега про Черняховского вспомнил. Там я рыл совершенно в другом направлении, и если бы не МУРовцы, то в конце концов начал бы катить бочку на самого Жукова. А упорный Третьяков, прицепившийся к совершенной мелочи, на которую я и внимания не обратил, размотал это дело почти до конца. Через Розу Фильдман, сделавшую снимок, он вышел на ее любовника из НКВД¹³. Дальше был один «внешторгowskiй» жучок, который оказался связан с МИ 6¹⁴. Так в полный рост и всплыл план английской разведки по уничтожению и дискредитации советских военачальников. Этот козел Черчилль еще с прошлого года, когда русские войска недвусмысленно показали, за кем останется победа в войне, сильно озабочился «угрозой с востока» и отдал распоряжение, позволяющее эту угрозу пресечь. То, что при этом на фронтах дополнительно могут погибнуть сотни тысяч советских людей, жирного борова совершенно не интересовало, и англы приступили к убиранию с арены наиболее выдающихся командиров Красной армии.

Зато сейчас «СМЕРШ» и ГУГБ НКВД¹⁵, которые, отодвинув МУРовцев, плотно взялись за это дело, начали вскрывать целую сеть английской агентуры, как в войсках, так и в тылу. Ведь Горбуненко в ночь своей гибели, оказывается, ехал на встречу с шифровальщицей из штаба фронта. Скорее всего, именно она убила майора и водителя.

Говорю «скорее всего» потому, что эту сволочь взять так и не получилось. Видно, почуяв слежку, шпионка просто исчезла. Жалко, что подробностей всей этой раскрутки мне никто не рассказывал, только Гусев после поездки в Москву поделился известными ему сведениями.

После этих известий личный счет к союзникам приобрел глобальные размеры. Серега, который наслушался от меня о поведении англичан и американцев в будущем, тоже особой любви к ним не испытывал. Но смотрел на вещи более трезво, постоянно повторяя успокаи-

¹³ Народный комиссариат иностранных дел.

¹⁴ Разведывательная служба Великобритании.

¹⁵ Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (та самая «кровавая гэбня»).

вающую меня фразу: «Сейчас все будет зависеть от нас». И я это тоже понимал. Когда высшее руководство знает все расклады и подводные камни, ожидающие страну в ближайшее и не очень время, то всегда можно выстроить политику так, чтобы ни у кого даже не возникало мысли разговаривать с СССР «через губу». Причем как внешнюю, так и внутреннюю политику. По поводу внешней я немного могу сказать – итоги переговоров в Ялте полковнику Лисову не докладывали, но вот насчет внутренней...

В последней речи Сталина, помимо всего прочего, оглашались очень интересные вещи. Мол, пролетариат, это, конечно, передовой отряд партии, но крестьяне несут не менее важную функцию сохранения традиций, обычаев и вообще являются «кормильцами и душой народа». А исходя из этого, к ним и отношение должно быть особое. Еще говорил про улучшение работы МТС, образование крупных агропромышленных объединений с новаторским подходом к работе и нормальной оплатой труда. Мимоходом упомянул о частных крестьянских хозяйствах, развивающихся трудом одной семьи. Сказал, что прежняя сверхэксплуатация деревни была вынужденной мерой для достижения достаточной индустриализации, и теперь ее можно рассматривать как некий займ труда колхозников, а поэтому отныне будет меняться сам принцип отношения к сельским жителям.

То есть минут сорок излагал планы по реконструкции деревни и изменению отношения к этому вопросу со стороны правительства. Потом, переключившись на другое, рассказал про индивидуальные предприятия, занимающиеся мелким и средним ширпотребом. Не кооперативы, которые при советской власти и так существовали, а именно про индивидуальные. Виссарионыч даже двинул мудреную фразу насчет трудового богатства, которое, как единственная морально оправданная форма богатства, совместимо с идеями социализма.

Офигеть! Это значит, что в СССР появится хоть и небольшая, но *частная* собственность. М-да... видно, Верховный после всех раздумий, решил склониться в сторону «китайского социализма». Только вот не рано ли он начал?

Хотя там, наверно, постоянно шла какая-то подковерная борьба. Последние три месяца я только и слышал о перемещении, а то и отстранении одного и о переводе на новое место работы другого видного партийца. Вроде все чинно-благородно, но вот переводились и отстранялись в основном те, кто так или иначе в будущем поддерживал линию ныне покойного Хрущева.

А на их места ставились другие. О ком-то я слышал в *том* времени, о ком-то не знал. Вот, например, тот же Машеров, который руководил группировкой партизанских отрядов в Белоруссии, неожиданно оказался в секретариате ЦК. Нет, после освобождения республики он своим районом рулил очень хорошо, только подобный скачок для двадцатилетнего парня мне был непонятен. А если учесть, что в партию он вступил менее двух лет назад, то вообще...

Хотя, скорее всего, Верховный подбирал себе людей по одному ему понятным признакам и назначал на нужные посты, невзирая на стаж и возраст, преследуя определенные цели. А теперь, видно, все необходимые фигуры расставлены, и Сталин начал выполнение своего плана. Сначала в виде речей и обозначения общего направления движения. Но само начало мне уже нравится.

Да и не только мне. Армия у нас хоть и рабоче-крестьянская, но в основном все-таки крестьянская, и многие бойцы доставали политруков вопросами, касающимися именно той части речи Виссарионыча, где говорилось о крестьянских хозяйствах. Те бекали, мекали, но вынуждены были вникать в вопрос и заниматься разъяснениями внезапно вильнувшей новой линии партии.

* * *

– Понял?

– Что?

– Твою дивизию! – Серега раздраженно ткнул папиросой в пепельницу. – Опять в облаках витаешь?

– С чего ты взял? – Сделав обиженные глаза, я повторил приказ: – Завтра в пять утра выдвигаемся двумя машинами в сторону Кенигсберга. Прибыв на место, забираем Одинцова, который ведет нас на объект. Там будем искать то – не пойми что, а в частности – местонахождение лаборатории «Кенигсберг-13», о которой никто из местных жителей даже не слышал, но бояться ее до непроизвольной дефекации. Потом ужинаем и ночуем в казарме при комендатуре. С утра опять на поиски. Кстати, ищем до ишачьей пасхи, или сроки ограничены?

– Кх-м... Ты, Илья, пессимист. А на поиски дается три дня, после чего вы возвращаетесь и мы выдвигаемся в Рудель. Фронт-то вон как далеко на запад ушел...

– Пессимист – это хорошо информированный оптимист! И радует, что мы туда на три дня, а не до конца войны катим. И еще – продаттестаты брать, или ты разрулишь?

– Берите сухой паек. А ужином вас там кормить будут, я договорюсь.

– Понятно.

– Тогда у меня все. Иди ребятам скажи, чтобы готовились.

И я пошел готовить мужиков к завтрашним поискам.

Сначала планировал оставить прихрамывающего Пучкова на базе, но Гек разобиделся, и я, прикинув, что бегать нам не придется, разрешил собираться и ему. Так что едем всей группой. Я, Шарафутдинов, Гек, Змей (он же Женька Козырев) и наш новенький – Даурен Искалиев, спокойный как трамвай парень родом из Петропавловска, боевую кличку пока еще не заработавший.

Еще возьму с собой радиста, из хозяйства Северова. Марш-броски делать в этот раз не придется, поэтому толстопуз будет сидеть в «УльЗИСе», пока мы подвалы зачищать станем.

Вообще, конечно, это просто смешно. Такое впечатление, что Мишка себе подчиненных по своей комплекции подбирает. А если вдруг в его «команде бегемотов» появится худой, то через пару-тройку месяцев новенького уже не отличить от остальных упитанных и вальжных связистов. Но невзирая на объемы, парни у него один к одному – знатоки своего дела.

Так что решено: возьму Силантьева, тем более он давно вокруг ребят вертится, раскрыв рот слушая их байки. Вот пусть и посмотрит моих «сказочников» в деле. А Искалиев – наш новый штатный радист, в этом случае может как обычный боец разведгруппы со всеми работать, потому что толку от его «шарманки» под землей все равно не будет. Заодно и притрется получше. Тренировки тренировками, но перед заброской к немцам обкатать парня в почти боевых условиях – дело очень хорошее...

Шмидта, которому Гусев дал отпуск, я решил не тревожить. Все-таки человек семью пять лет не видел. Да и в Алленбурге, откуда Макс родом, бои были сильные, поэтому никто не мог сказать, выжили ли его родственники. Наш немец, правда, ни слова не говорил о том, чтобы смотаться в родной город, хоть до него и было меньше тридцати километров.

А когда Серега снарядил «виллис» и дал сопровождающим лейтенанта Корзуна из взвода охраны, то Шмидт чуть не расплакался. Но тевтонская выдержка взяла свое, и чувства Макса выразились только в преувеличенно четких движениях при отдаче чести.

Сашка Корзун потом связался с нами из алленбургской комендатуры и сообщил, что Максимилиан своих нашел. Не всех, но нашел. Мать у него погибла под английскими бомбежками, зато сестры и младший брат были живы. Сейчас Шмидт и Корзун помогают им устроиться в новом мире. М-да... Вот, наверное, в комендатуре шизеют от такого пассажира! Не каждый день на оккупированной территории увидишь немца, который является сотрудником НКВД.

Но комендачи действуют по закону, и поэтому родне Макса полагаются все льготы, которые существуют для советских военнослужащих. Только все равно пусть лучше он свои остав-

шиеся три дня догуляет. Глядишь, сестру, ту, что постарше, на работу устроит. Все навар, а то на его денежный аттестат троим людям особо не прожить.

Поэтому, придя в наше расположение, дал команду готовиться только присутствующему составу. В принципе, собрались быстро. Единственно, что я пресек желание Гека взять с собой «калаш».

– Леха, ты что, головой ударился? Мы же не в тыл к немцам идем! Ведь шариться на виду у всех с новым оружием – это все равно что табличку на шею повесить: «осназ». А если учесть, что и терроргруппы им еще не все вооружены, то такая демаскировка может вылезти боком. Поэтому приказываю – новое оружие сдать, а с собой брать только то, с чем раньше ходили.

– Да, но...

– Отставить пререкания.

Обиженно сопящий Гек, гордо вздернув нос, молча прошел мимо меня. За ним потянулись остальные. Я тоже встал и спросил у уходящего последним Марата:

– Думаешь, в чем-то неправ?

– Во всем прав, командир. Просто ты у них новую игрушку отобрал, вот они и надулись. И в городе с новыми автоматами действительно нельзя появляться. Уж очень приметные. Сразу вопрос возникнет – что за оружие у этих пехотинцев? И вообще, пехота ли это? А ведь там невыявленной немецкой агентуры еще полно...

Шарафутдинов своими словами полностью подтвердил мои мысли. Фрицы не дураки – обратят внимание на оружие, срисуют номера на машинах и, так как вражеских агентов в Пруссии просто немерено, быстренько вычислят наше расположение. А там и до определения ху из кто, недалеко. Так что приказ оставить новые автоматы в расположении части был правильным. Поэтому, кивнув, я ответил все понимающему капитану:

– Ну вот и добре. Ладно, пошли за верными ППС...

А уже ночью, ворочаясь в постели и прикидывая, что нас может ожидать в городе, вспомнил слова Колычева. М-да... Шеф НКВД, похоже, пытается из моей удачливости выжать все до капли, пока «заряд» не кончился. Ведь московские профессора выдвинули гипотезу о ее происхождении. Да и не только об этом...

Высоколобые умники подвели базу даже под мою ныне пропавшую повышенную регенерацию. Причем вроде все логично. Во всяком случае, я сам найти противоречий не смог и принял их версию на веру. Они считали, что все дело было в новом теле. Мол, у детей восстановление идет гораздо быстрее, чем у взрослых. А у пришельца тело было даже не младенческим, а соответствовало зародышу, в результате чего и наблюдалась ураганная регенерация. В их теорию ложилось даже то, что она постепенно сходила на нет и через девять месяцев исчезла совсем.

Когда Федосеев мне все это рассказывал, я неожиданно вспомнил одну из телепередач, что видел в своем времени. В ней говорилось про чудо-средство, которое изготавливалось из того, в чем ребенок до рождения находится. Плацента не плацента, толком уже не помню, но из нее чуть ли не эликсир вечной жизни добывали. Или это средство из стволовых клеток добывали? А клетки, соответственно, из этой самой плаценты? Хотя какая разница – про вечную жизнь это, конечно, враки, но дыма без огня не бывает.

Если уж детское место такими свойствами обладает, то тело, которое оно должно оберегать, вообще – ого-го! И про девять месяцев тоже в самую дырочку. У меня ведь именно по истечении этого срока лафа закончилась.

Группа Федосеева и удачливость пациента не обошла стороной. Дескать, дело опять-таки в новом теле. Точнее, в еще не «закостеневших» мозговых связях, которые способствуют принятию чисто интуитивных верных решений, воспринимаемых окружающими как голимая удача.

Я тогда даже несколько обалдел от того, насколько просто все можно объяснить. А то ведь чуть было не зазнался, считая себя эдаким мессией с неограниченным запасом везения. И тут вдруг такая проза... Да еще и известие, что вся эта радость закончится в течение нескольких лет, когда в мозгах все «устаканится», вообще ввергло в уныние.

Поэтому Иван Петрович и выжимает сейчас все соки, пользуясь моментом... Правда, также можно учесть, что на допросах из меня вытянули не практически все, а ВСЕ. Как оказалось, гипноз на Лисова еще как действует, и я вспомнил даже то, о чем забыл давным-давно. Но про это я узнал гораздо позже, когда уже после Нового года мне прокрутили запись беседы, где я отвечал на вопросы по органической химии, и попросили уточнить некоторые детали.

Вот тогда я и завис... Органику даже в школе с трудом на трояк вытянул, а тут, слыша свой голос, который шпарил как по писаному, только и смог, что хлопать глазами и пожимать плечами.

В общем, от меня во вменяемом состоянии они так ничего добиться и не смогли. А я сделал вывод, что пришелец как источник информации уже и не очень то нужен. Наши спецсы надо мной поработали от души. И судя по тому, какие вопросы иногда задавались, знания, которыми была забита моя голова, были воистину обширны.

Блин, да что там говорить! С огромным удивлением для себя понял, что помимо действительно важного и нужного помнил даже Ф.И.О. разнообразных членов правительства, включая годы их жизни. Откуда – не представляю! Может, когда-то мельком плакаты разглядывал с физиономиями «слуг народа», вот они и запали? Так же как и ТТХ ТПДК-2¹⁶, способ изготовления тонированных стекол, кличка соседской кошки, да и многое другое. А уж что учил или читал, или слушал вдумчиво... м-да... под гипнозом это все я вываливал обстоятельно и со вкусом.

Одно только интересно, почему после выдаивания досуха я до сих пор остаюсь личным порученцем Верховного? По логике, теперь пришельца можно и ухлопать безболезненно, во избежание неожиданных утечек информации. Тем более ничего нового я все равно уже не скажу...

Но наверное, Сталин помнил про слова Мессинга о выполнении некой таинственной миссии и решил дать мне все возможности для ее реализации. Может, он на это тоже какие-то надежды возлагает. Эх, знать бы еще, в чем она заключается, а то я чего-то боюсь. Ведь как выполняю, так, по словам того же Мессинга, помру. Только вот помирать, зная даже про вторую жизнь, вовсе не хочется.

1 Танковый прицел-дальномер квантовый.

А тут еще и Федосеев инфу подкинул. Дескать, анализируя мои данные о событиях в будущем и сравнивая их с реальностью, они могут предположить, что я не первый временной «попаданец». Если поднять сравнительно недавнюю историю, то можно проследить два четких момента, не укладывающихся в обычную логику.

Наиболее близкий к нам – русско-японская война, где любая вероятность поворота событий складывалась в пользу японцев. Но там все расплывчато, практически недоказуемо, и только сам факт запредельной везухи японцев может наводить на размышления.

Зато в случае с Германией профессор назвал даже имя возможного путешественника во времени – Людвиг Краус. Сначала этот никому неизвестный человек появляется в окружении прусского канцлера Бисмарка. Все это происходит приблизительно в 1869 году. А уже в 1870 м политика Пруссии меняется так, что она провоцирует войну с Францией. Совершенно самоубийственную войну, потому что галлы превосходили пруссов по всем параметрам.

¹⁶ Танковый прицел-дальномер квантовый.

Но Франция терпит неожиданное для всех поражение, и в результате этой войны из Северо-германского союза образовалась Германская империя.

А генератором всех идей, по некоторым данным, был тот самый Краус. Именно после долгих разговоров с ним Бисмарк и принимал наиболее важные решения...

М-да... фиг его знает, может, профессор и прав в своих предположениях, но мне во всем этом экскурсе в историю сильно не понравилась кончина возможного пришельца. Он погиб при пожаре в 1872 году. Какая-то хреновая тенденция в этом прослеживается. Надеюсь, я сам помру или от старости, или от быстрой пули. Чего мне гореть-то? Я ведь не летчик и не танкист...

Вспомнив свои тогдашние мысли о том, что неплохо было бы всюду передвигаться с огне-тушителем, я ухмыльнулся и, поворочавшись еще немного, заснул.

А ранним утром, наша куцая колонна состоящая из «виллиса» и «УльЗИСа», бодро катила в сторону столицы Восточной Пруссии, города Кенигсберга.

Глава 3

Я, стоя возле дежурного по комендатуре, от нечего делать разглядывал висевшие на стенах картины. Некоторые были сняты и теперь только невыгоревшие места указывали на то, что там что-то висело. Видно, политически опасные изображения королей и баронов комендаци быстренько убрали, оставив в основном пейзажи. На них, наверное, даже у сурового комендантского люда рука не поднялась...

А вокруг приобщающегося к прекрасному майора Лисова тем временем бурлил народ. Патрули постоянно приводили каких-то гражданских под конвоем. Приводили и военных – как наших, так и немецких.

Потом какой-то фриц, пришедший самостоятельно, стал требовать встречи с помощником коменданта. Фриц был худым, длинным и эмоциональным. Размахивая руками, этот нарушитель спокойствия на корявом русском кричал, что он коммунист и что у него неотложное дело, которое может решить или товарищ комендант, или его первый заместитель. Некоторое время посмотрев на немца, я отодвинул поклонника Тельмана в сторону и спросил у дежурного:

– Послушайте, капитан, где ваш посыльный? Он двадцать минут назад ускакал на поиски моего человека. Может, он в пути заблудился? Может, стоит еще одного послать?

Тот поднял на меня красные с недосыпу глаза и спокойно ответил:

– Людей больше нет. А вы, товарищ майор, пока сядьте вон на ту лавочку. В конце концов вашего человека найдут и пригласят.

Скептически глянув на красноглазого, решил последовать его совету и отошел в сторону. Мое место моментально занял подпрыгивающий ротфронтонец, так что легкой жизни у капитана все равно не получилось. Еще минут через десять я, пробормотав под нос: «Это просто херня какая-то», опять подошел к дежурному. Тот удивился:

– Что, еще не пришел?

И видя мой отрицательный ответ, поднял трубку стоящего рядом телефона, затребовав к себе какого-то Загорулько. Через пару минут появился массивный старшина, которому капитан приказал мухой отыскать посыльного. Тот поинтересовался – какого именно?

– Федорчука! Федорчука, мать вашу! Быстро эту беременную каракатицу ко мне! Вон, товарищ майор уже час ждет, пока этот чудила приказ выполнит!

На сей вопль старшина невозмутимо ответил:

– Ни, товарищу капитан. Це не вийдэ. Я його зарестував. Он вже на гауптический вахти находиться, за прэрэканія з старшим по званию.

Пока дежурный, хлопая глазами, переваривал эту новость, я, взяв ревнителя уставов за плечо и развернув к себе, веско сказал:

– Загорулько, у тебя есть пять минут, чтобы привести нужного мне человека. Не уложишься в отведенное время, я, как начальник политотдела восемнадцатой гвардейской дивизии, тебе такую веселую жизнь устрою, что десять суток на «губе» раем небесным покажутся! Выполнять!

– Товарищу майор, а кого вызвать трэба?

Окинув взглядом готового рвануть куда требуется Загорулько и не выходя из образа, я процедил:

– У дежурного узнай, – после чего демонстративно посмотрел на часы.

Через несколько секунд старшина испарился, а я подумал, что хитрость города берет. Да стой тут хоть командир полка, это не придало бы такого ускорения штабному жителю. А вот связываться с крайне говнистыми политруками опасаются все более-менее разумные люди.

Старшина оказался не просто разумным, а еще и опытным, поэтому уже через три минуты я здоровался со старшим лейтенантом Одинцовым – молодым, улыбочивым парнем среднего роста, со слегка приплюснутым «боксерским» носом. А еще через пять мы подходили к машинам. Шараф, увидев меня, ухмыльнулся и выдал:

– Ха, мы думали, ты там жить остался. Или арестовать успели...

– Арестовали, только не меня... Но комендатура – это всегда полный дурдом. Хорошо, никакого пробегающего мимо полковника не попалось, а то бы точно за что-нибудь зацепился и посадить захотел. Там, блин, все на голову ударенные... Да, знакомьтесь, мужики, – Одинцов Федор, от смежников.

Познакомились, перекурили и, загрузившись, поехали в сторону Кнайпхофа. По пути рассказал ребятам, почему настолько задержался и, покритиковав общий армейский долбо-бибизм, а комендантский бибизм в особенности, мы, проехав по узеньким улочкам и небольшому мостику, оказались на острове.

– Куда дальше?

Федор, привстав, показал пальцем:

– Вон шпиль виден. Там кафедральный собор. Недалеко, с другой стороны берега – королевский замок. С чего начнем?

– А что более целым осталось? Просто по развалинам лазить смысла не вижу. Англичане ведь отбомбились тут месяца два назад? И если за это время фрицы ничего не восстанавливали, значит, там ничего и не было. А если и было, то уже все перевезено в другое место.

– Ну... – Одинцов на секунду задумался и решил: – Собор пострадал сильнее. Хотя и он, и дворец почти целыми остались. Но дворец – гораздо больше по размерам. Только мы и то и другое осмотрели сверху донизу. А при осмотре собора священника местного нашли, который нам даже подземелье показывал. Только далеко по нему не прошли – завал. Кстати, поп говорил, что в соборе в основном только службы шли и ничем другим там люди не занимались. Ну, еще рассказывал, что в семнадцатом веке в той церкви, вся прусская верхушка и жители города присягнули на верность русским. Какой-то из тогдашних цариц...

– Хм, а потом, значит, переиграли. Во проститутки-то... Ну да хрен с ними. Ладно, для начала поверим служителю культа. Мне так кажется, что для тайных соборниц церковь не очень подходящее место. Опять-таки – людей полно... А вот замок – это другое дело. Кто попало там шлаться не будет. Поэтому поедem туда.

Правда, увидев это сооружение, я сильно приуныл и понял, почему он назван «королевским». Наверное, из-за размеров. Эта махина занимала целый квартал, имела мощные башни по краям и здоровенное здание, похожее на кирху, прилепленное к одной из стен. Хорошо еще, что эта «кирха» была разрушена, поэтому нам оставались сущие пустяки. Проверить четырехэтажное строение размером чуть не с Зимний дворец. За три дня. Но деваться было некуда, поэтому, сплюнув сквозь зубы, я приказал:

– Разбиваемся на пары. Первая – Шараф и Змей – идут в западное крыло. Вторая – Гек и Искалиев – в северное. Силантьев – на связи. Ну а мы с тобой, – я повернулся к Одинцову, – пойдем вон туда, где на стенке герб висит. Встречаемся каждый час возле ворот. И осторожней, мужики. Тут вооруженных фрицев еще хватает, так что не нарвитесь... А сейчас опрaвиться – и начали!

Мы дружно, на счастье, обрызгали внутреннюю стену и разошлись каждый в свою сторону.

* * *

– Апчихи!

Я вздрогнул от громового чиха и возмущенно сказал:

– Ты хоть прикрывайся, когда чихаешь! Ведь заикой сделаешь!

Федор смущенно кашлянул и извинился, добавив:

– Тут, товарищ майор, столько пыли... Окна почти все повышибало, вот и нанесло...

– Угу – нанесло... Я вон в том зале в говно вляпался, его тоже нанесло? Причем отметить – говнецо человечье и свежее.

Через секунду до меня дошло, что моя фраза звучит несколько двусмысленно, поэтому поспешил разъяснить:

– Я его не пробовал.

Одинцов хрюкнул, а потом, став серьезным, заметил:

– Странно, мы это здание позавчера проверяли – и ничего свежего не было...

– А, – махнув рукой, предположил я: – Мало ли кто тут нагадил? Скорее всего, кто-то из немецких солдат здесь прятался. И судя по брошенной форменной куртке, он добыл «гражданку», после чего свалил. Ладно, с этим этажом тоже закончили. Пошли вниз.

Мы бродили по замковому комплексу уже четвертый час и ничего толкового не находили. Всюду был какой-то мусор, поломанная и целая мебель, куча картин на стенах с изображением пейзажей и разновозрастных мужиков, всех как один одетых в доспехи и выглядевших спесиво до невозможности. Было много бумаг, но совершенно не относящихся к делу. Какие-то накладные, листовки, плакаты... А вообще, дворец впечатлял. И размерами, и неразграбленной обстановкой. Особенно, конечно, размерами. Как представляю себе, что у него еще и подвалы есть, так оторопь берет – сколько же нам тут еще лазить придется?

Спустившись на второй этаж, мы прошли в большой зал, где я, набрав кучу очередных бумаг поднял огромное перевернутое кресло и, плюхнувшись в него, начал перебирать макулатуру, а Федор пошел дальше.

– П-ш-ш-ш!

Звук, раздавшийся почти над головой, заставил рыбкой вылететь со своего трона и, извернувшись в полете, направить ствол автомата в сторону опасности. Увидев ее источник, я только коротко матюгнулся и, убрав оружие, подошел к напольным часам, внезапно пробудившимся к жизни. Правда, подошел осторожно, ожидая должного последовать за шипением громкого «бом»! Но отбивать время этот монстр не стал, а после первого угрожающего шипа заткнулся. Посмотрев на часы еще какое-то время и поняв, что с их стороны больше подлян не ожидается, я выразил свое отношение к творению старых мастеров:

– У-у-у, сука!

После чего, встав посреди зала, начал оглядываться. Рыться в бумагах, в надежде найти хоть какие-то хвосты от «кукол старой Магды», я больше смысла не видел. Команда, в которую входил Одинцов, тут уже все проверила. Ронять рыцарские доспехи, часто встречающиеся на разных этажах, или простукивать стены в поиске тайных ходов тоже посчитал глупым. Так что, наверное, самым оптимальным будет для очистки совести быстро проскочить по оставшимся залам и галереям, а с завтрашнего дня плотно заняться подвалами.

Угу, значит, так и сделаем... Только куда Федор делся? Ведь слышал его шаги в другом зале, когда в кресле сидел, а сейчас – тишина... Или он дальше ушел?

Пройдя через высокие двустворчатые двери, я оказался в следующем помещении. Старлея здесь не было. Блин! Куда он пропал? Покрутив головой, я крикнул:

– Одинцов! Одинцов, ты где?

Его голос раздался откуда-то справа:

– Я здесь, товарищ майор. Идите сюда.

Ага, вон еще одна дверь. Пройдя в нее, я оказался в зале размером метров двенадцать на пятнадцать. Он был практически пуст, за исключением резных деревянных кресел, стоящих по периметру, и большого стола, накрытого красной скатертью. Еще присутствовал громадный

камин, в котором можно было зажарить слона вместе с хоботом и бивнями. Вот из этого камина сейчас выглядывал напарник и махал мне рукой. Подойдя ближе, я поинтересовался:

– Ты чего туда залез? Тайные ходы ищешь? Так они наверняка если и есть, то только в подвале. Но мы их все равно не найдем...

– Ишу, – смущенно признался старлей и добавил: – Мы их тоже в подвале искали, но все впустую. А сейчас я подумал – а вдруг он не в подвале, а на первом или втором этаже? Вот и полез в этот камин.

– Ну и как успехи?

– Да странно как-то... – Одинцов замялся, а потом показал мне перепачканную ладонь: – Вот, смотрите... Хотя нет, я сейчас!

Быстро выскочив из камина, он, поплевав на руку, вытер ее скатертью, и вернувшись обратно, сказал:

– Вот здесь провожу – видите, палец в саже. А вот здесь – тоже в саже, но гораздо меньше. Почему?

Хм, действительно странно.

– А ну отойди. – Отодвинув Федора, я сам нырнул в черную глубину. В конечном итоге, перемазав обе руки, убедился в правильности первоначальных предположений. Но вся беда в том, что сколько я не искал тайных кнопок или рычагов, ничего не находил. Только вымазался как черт, и площадь сравнительно чистого места увеличилась до квадратного метра. В конечном итоге вылез, освободив место Одинцову. Пока он работал трубочистом, я перекуривал и давал советы. Кончилось тем, что на голову Федьке свалился шмат сажи и он моментально превратился в негра. Со словами: «Твою мать!» особист выпал из камина и застыл в согнутом положении, с разведенными в стороны руками.

– Тихо, тихо, не шевелись!

Углом бывшей красной скатерти я насколько мог оттряхнул бедолагу, после чего мы закурили уже вместе, мрачно поглядывая на печку-переростка. В конце концов старлей, сплюнув черную слюну, выдвинул предположение:

– А может, так и должно быть? Ну, тяга разная, или огонь до этого места доходил, сажу сдувая, вот там меньше и запачкалось? Я просто с каминами раньше не сталкивался...

– Я тоже... Хотя, знаешь... давай последнюю попытку сделаем. Чистое пятно было на уровне груди. Если я встану вон на то кресло, моя задница будет на том же уровне. Может что-то в трубе выше есть и сажу жопой вытерли случайно, когда ход открывали?

– Да смотрели же – там только кладка кирпичная.

– Еще раз посмотрю, может, не заметили.

Подтащив тяжелое кресло к камину, я осторожно взгромоздился на него. Потом включил фонарик и в круглом пятне света сразу увидел лежащую на одном из выступающих кирпичей черную и сливающуюся со стеной цепь, уходящую в дымоход. Кстати, кусок этой же цепи валялся под ногами. То есть, получается, она изначально длиннее была, до самого низа? Но не это главное – главное, найдено, за что дергать!

Испытывая прилив детской радости от решения задачи, я потянул за сальные на ощупь звенья. Наверху что-то бумкнуло, зашуршало и на меня свалился такой кусок сажи, что напарник по сравнению со мной сразу стал выглядеть Белоснежкой.

Точно так же, как и Одинцов, растопырившись, я выпал наружу, заклиненно повторяя:

– Ах ты ж с-с... ах ты ж с-с... вот же с-с-с...

Теперь уже старлей бегал вокруг меня, пытаясь оттряхнуть и успокоить. Через несколько секунд наконец расклинило, и получилось выразить все, что я думаю про замки, камин, тайные ходы и идиотские приказы командования. Когда выговорился, Федор заметил, что, наверное, это была задвижка. В смысле, дернув за цепь, я приоткрыл или наоборот закрыл какую-то трубную задвижку, вот на меня и свалилось все это дерьмо. Только легче от этого не стало.

Протерев наконец глаза и увидев, во что превратилась форма, я впал в полное неистовство. Выдернув из разгрузки гранату, заорал:

– Бойся!

И швырнул ее в каминный зев. Глупость, конечно, только не сделай этого, просто лопнул бы от злости. А сейчас, отскочив подальше, мы пригнулись в ожидании взрыва. Шарахнуло неслабо. Из этой долбаной печки вылетел целый фонтан мусора, с редкими осколками кирпичей, а я, распрямившись, удовлетворенно сказал:

– Вот так-то. Теперь никто больше не облажается и туда не полезет. А то – чисто, грязно... Ладно, сейчас завязываем с поисками и пойдем мыться. Я в таком виде неработоспособен...

Одинцов согласно кивнул, и мы пошли вниз, где, уже выходя во двор, столкнулись со встревоженными мужиками, прибежавшими на звук разрыва. Увидев нас, они остановились и вытаращили глаза. Потом культурный Марат спросил:

– Где это вас так извозило?

А Пучков сначала мерзко хихикнул, а потом зашелся в хохоте... козел. Причем Женька после секундной паузы к нему присоединился. Не обращая внимания на наглых щелгов, мы прошли по дорожке и направились в сторону колодца, расположенного во дворе. Стираться, конечно, не собирались: то, что на нас налипло, можно взять только горячей водой и хорошей щеткой, но вот умыться надо было всенепременно. Гек сбегал к машине и принес мыло, поэтому минут через двадцать мы были похожи не на чертей, а просто на очень грязных людей.

Пока мылись, рассказывали о поисках тайного хода. Рассказывали серьезно, но народ, слушая наше повествование, каждое слово комментировал и угорал, как на концерте юмористов. В конце концов это веселье стало раздражать, и я уже собрался дать команду выдвигаться в подвалы, но тут ко мне подошел Искалиев. Смущаясь, как это у него было всегда, когда он обращался к начальству, Даурен предложил:

– Командир, разрешите колодец проверить? Ведь сам дворец уже до нас осматривали и ничего не нашли. А я перед войной книжку читал историческую, про французский замок Сюлле – там описывалось, что подземный ход в колодце начинался. Мол, средневековые строители сделали в колодце что-то вроде сифона, и пронырнув его, можно было оказаться в тайном подземелье...

Хм... Задумчиво почесав подбородок и достав фонарик, я заглянул в жерло колодца. Он был узкий – где-то с метр в диаметре и выложен изнутри крупными осклизлыми валунами. На глубине метра три валуны образовывали круговой наплыв, немного сужая размеры отверстия, и еще чуть ниже, в свете фонаря, блестела вода. Почему-то захотелось туда плюнуть, но помня старую поговорку, сдержался и только гукнул в сырую глубину:

– У-г-у...

После чего, пожав плечами, я уже было собрался дать отбой этой идее, как вдруг меня посетила очень интересная мысль. Поэтому вместо отбоя, ехидно ухмыльнувшись, сказал:

– Про французов, говоришь, читал... Что ж, посмотрим, отличаются ли лягушатники от фрицев...

Хитропопый Пучков, увидев мою физиономию, сразу почуял опасность и, сморщив лицо, принялся потирать раненую ногу, всем своим видом показывая, как у него «ноют старые раны». Глядя на эти потуги, я только хмыкнул и, переключив внимание на Змея, приказал:

– Бегом к машине и тащи сюда веревку. Кое-кто сейчас будет работать водолазом!

Женька только глазами захлопал, понимая, на что я намекаю, но возражать не осмелился и порыснул в сторону «уазика».

Конечно, в эту затею с колодцем я не верил ни на грош, но мокрый Козырев был бы хорошим отмщением. Ибо не фиг так ржать над старшими! Я бы обоих приколистов в этот колодец запихнул, но с одной стороны, сразу оба туда не поместятся, а с другой – было опасение, что чуть зажившая нога Гека после купания может воспалиться.

Да и от сержанта Искалиева это было первое предложение, которое нельзя пропускать мимо ушей. Парень только осваиваться начал, а отказав ему сейчас, вообще всякую инициативу в будущем убью. Так что пусть Женька поплавает. Заодно и подумает, во что может вылиться злобное ржание над попавшими в переделку товарищами.

Когда веревка была принесена, Даурен собрался сам лезть, но я, отобрав конец и мстительно щерясь, собственноручно обвязал Змея, показав пальцем, мол – вперед! Жека так расстроился, что даже раздеваться не стал, а молча передал оружие Пучкову, после чего, огорченно сопя, влез на кромку и, спустив ноги внутрь, еще раз посмотрел на меня.

– Давай-давай, гусь лапчатый! Ныряй, и нечего так жалобно смотреть!

Козырев, поняв, что от купания не отвертеться, передернулся и скользнул в глубину. Скользнул, чтобы тремя метрами ниже застрять в сужении. Глядя сверху, как он, сопя, пытается протиснуться глубже, я сварливо сказал:

– У-у, мамонт! Отожрался на казенных харчах! – И скомандовал мужикам: – Тяни его обратно.

Выдернутому как репка Змею приказал снять разгрузку и идти на новый заход. В этот раз Женька, предусмотрительно раздевшись до трусов, проскочил без проблем, а еще через несколько секунд я услышал его удивленный голос:

– Командир, тут какая-то дырка...

Освещая макушку младшего лейтенанта, поинтересовался:

– Какая в жопу дырка? Змей, если ты так шутишь, то мы тебя в этом колодце так и оставим! В естественной для тебя среде. Приколист хренов!

Но подняв лицо и щурясь от света моего фонарика, Козырев продолжал настаивать:

– Вот тут, под бордюром – дырка. Ее просто сверху не видно. Большая, квадратная. – И посветив в невидимое мне отверстие, добавил: – Там ход дальше идет.

Посмотрев, куда он светит, я понял, что ход идет в сторону разрушенной «кирхи». Да куда бы он ни шел, это все равно означает, что мы попадем в замковые подземелья.

А там и посмотрим, что в них есть и кто там прячется. Если, конечно, хоть что-то есть... Пока же, сказав ребятам, чтобы они вытаскивали несостоявшегося водолаза, я обратился к Одинцову:

– В общем так: обе машины сюда, во двор. Ставите их под этот навес и ждете. Ночью с водителями и радистом организуете дежурство, а то вас, сонных, недобитки разные замочат, как два пальца. К утру мы постараемся вернуться. Контрольный срок – двенадцать ноль-ноль. Если к этому времени нас не будет – свяжешься с полковником Гусевым. Доложишь, что и как. Пусть он дальше сам решения принимает. Все понятно?

Федор кивнул, а я, улыбнувшись, его подбодрил:

– Может, ничего и не понадобится! Мы, возможно, уже через час из колодца орать начнем, так что прислушивайтесь.

– Все понятно, товарищ майор! Но нет ли смысла еще людей вызвать?

– Зачем? Вдруг там дальше просто тупик или завал, а мы всех взбудоражим. Стыда потом не оберешься...

– Разрешите выполнять?

– Давай! – И уже обращаясь к своим ребятам, я добавил: – Ну что, мужики, пора становиться диггерами.

Глава 4

– Искалиев...

– Я.

– В гробу я видел того, кто тебя в библиотеку пустил. А того, кто книгу про старые французские замки подсунул, еще и в белых тапочках. Читатель...

– А ну тихо там! Гек, отставить наезды на молодого!

Шепотом рывкнув на бубнящий арьергард, я подошел к ответвлению тоннеля и, выставив высоко над головой фонарь, присел, осторожно заглядывая за угол. М-да, опять пусто...

Мы часа три бродим по душным, влажным катакомбам, но ничьих следов до сих пор не увидели. Правда, судя по всему, настолько некомфортным это подземелье стало сравнительно недавно. Если бы с потолка постоянно так капало, то тут давно бы уже все завалилось. А сейчас своды еще крепкие, с чего можно сделать вывод, что эта влага – результат активных английских бомбежек. Видно, обработка фугасами не предусматривалась старогерманскими зодчими и нарушила все их тонкие расчеты, применяемые при строительстве тайных ходов. Большие и маленькие осколки кирпичей на полу служили подтверждением моим мыслям – сколы были еще свежими, не успевшими потемнеть.

Из-за этого мусора скорость передвижения у нас была черепашья – того и гляди ногу подвернешь. Но, конечно, не только из-за опасения споткнуться мы настолько осторожно шли, тщательно освещая фонарями стены и пол. В этом заповеднике древности нам уже встретился вполне современный минный привет от фрицев. Хотя вначале, когда группа только попала в колодезный ход, глядя на эти доисторические стены, сама мысль о минах казалась смешной...

Тогда, протиснувшись через маленькое квадратное отверстие, мы оказались в небольшом, метра три длиной коридорчике. А вот он уже выводил в полноценный подземный ход, шириной в метр и высотой под два. Ход шел налево и направо, плавно изгибаясь, поэтому, что в нем творится десятью метрами дальше, видно не было.

Посветив фонариком в обе стороны, я принял решение и, следуя здоровому мужскому инстинкту, повернул налево, под уклон. Но уже через двадцать минут выяснилось, что в подземельях на инстинкты полагаться не следует.

Сначала шло весело, но потом началась обширная лужа, которая с каждым шагом становилась все глубже и глубже. В конце концов, зачерпнув сапогом воду, я остановился и, выругавшись, сказал:

– Блин, такими темпами еще метров через сто нам плыть придется! Поэтому – кру-угом. Шах – направляющий. Пошли назад.

Народ тихим довольным гулом подтвердил правильность принятого решения и, развернувшись в узеньком коридорчике, мы пошлепали обратно.

Идя последним, я все соображал, а верно ли поступил, что развернул ребят и не попытался пройти дальше? В конечном итоге сам себя убедил, что верно. Фрицы, конечно, просто обожают разные подземные нычки и закапываются под землю при каждом удобном случае, но жить совсем уж как крысы они не будут. Даже в самом экстремальном случае выберут место поудобней, во всяком случае до которого можно добраться, не сильно вымокнув при этом. Сушиться-то здесь проблематично, а во влажных шмотках под землей переохладение можно заработать на раз. Ну и все связанные с этим прелести.

Хотя лично я сразу Гусеву сказал, что людей мы здесь наверняка не найдем. Даже если они по каким-то причинам и не успели эвакуироваться, то зачем играть в Монте-Кристо и лезть в катакомбы, когда можно спокойно жить на конспиративной квартире? А может быть даже и в своем доме, так как мы просто не знаем, кого искать надо. Правда, с другой стороны...

М-да, с другой стороны, Одинцов уже рассказал, какие нравы сейчас тут царят. Как только до немцев дошло, что массовые расстрелы в честь взятия города отменяются, то у добропорядочных херров сразу проснулись старые привычки и они начали стучать. Причем куда там Ринго Стару! Тот только на барабанах, а кенигсбергские обыватели стучали на все что движется. Сосед на соседа, коллега на коллегу. Было и такое, что закладывали практически незнакомого человека, которого, к примеру, просто видели входящим в здание гебитскомиссариата.

Комендатура просто не успевала арестовывать залегших на дно эсэсовцев, гестаповцев, сотрудников СД и прочих чинов, в великом множестве оставшихся в городе. Дошло до того, что на «смотрителей домов», которым вменялось в обязанность доносить гитлеровским спецслужбам о «неимперских» настроениях жильцов, шущманов и даже бывших солдат вермахта, успевших спрятаться дома, просто махнули рукой.

Так что в этой обстановке на конспиративной квартире не очень-то отсидишься – соседи моментально заложат. С другой стороны – ну посидят прячущиеся под землей месяц, посидят второй, и что дальше? Это ведь не одесские партизаны, чтобы в катакомбах годами сидеть. У тех хоть стимул был – они возвращения своих ждали, а у этих?

Впрочем, какая разница? У нас есть задача – найти документацию или людей, имеющих связь с «Кенигсберг-13», вот мы и ищем. Найдем бумаги – хорошо, найдем людей – еще лучше!

Блин! Уткнувшись в спину остановившегося Змея, я сбился с мысли и недовольно поинтересовался:

– Чего стоим, кого ждем?

Колодезный отнорок мы прошли уже давно, и ход в этом месте перестал вилять, превратившись в прямой коридор, просматриваемый метров на тридцать. Подняв фонарь, я осветил стоящего впереди колонны Шарафутдинова и спросил уже погромче:

– Шах, чего встали?

Одновременно с этим начал протискиваться к капитану, распахивая мужиков в стороны. Когда почти дошел до Марата, он, не глядя на меня, посветил за поворот тоннеля, сказав только одно слово:

– Мины.

Оба-на. Вот вам и старинные ходы. Так как тевтонские рыцари совершенно не шарили в минно-взрывном деле, то можно предположить, что эта закладка дело рук их непутевых потомков. И значит, этот ход не заброшен и фрицами не забыт, поэтому, возможно, выведет туда, куда нам надо. Я, правда, слабо представляю, куда именно нам надо, но в том, что это подземелье «действующее», сомнений уже не осталось.

Пока в голове крутились все эти мысли, я подошел вплотную и, глянув, куда падал луч фонаря, только присвистнул. Сразу за поворотом начиналась густая паутина растяжек. Несколько секунд проследив глазами за причудливо расходящимися в вертикальной плоскости проволочками, не смог удержаться от приглушенного мата. Нет, ну в самом деле, гадство – хуже не придумаешь. Ткнувшийся в спину Пучков выглянул у меня из-за плеча и, хмыкнув, уверенно констатировал:

– Это не снять. Это только тралить!

Знаток, блин! Как будто без него не видно! Но Шарафутдинов молчал, и у меня появилась надежда, что все может обойтись малой кровью. Осторожно пихнув гения саперного дела в бок, я спросил:

– Марат, что скажешь? Сможешь обезвредить?

Он, ничего не ответив, сначала сел, а потом вообще лег на землю, высвечивая что-то только ему понятное. Не желая мешать, я заткнулся, лихорадочно соображая – если тралить, то может рухнуть потолок, и на этом экспедиция закончится. Завал мы разобрать не сможем.

А снимать подобные штуки смертельно опасно. С такими уже приходилось сталкиваться – там, в закладке, наверняка и электродетонатор, и нажимной, и натяжной...

Да все что угодно может быть. Причем вовсе даже не обязательно, что это стандартная мина. Может быть, просто мешок с гвоздями, в который запихнули заряд. И растяжки эти идут к разным детонаторам. Тут хрен угадаешь – какую срезать, а какую не просто трогать нельзя, но и смотреть не рекомендуется. И самое гадство, что большая часть из этих проволоочек – ложные. Их можно спокойно снять и обойти остальные. Но как узнать, какие куда расходятся? М-да... Про подобное говорят – близок локоть, да не укусишь.

Шах наконец встал и я робко поинтересовался:

– Что, глухо совсем?

Марат, пожевав губами, ответил:

– Еще не знаю, но я, кажется, его логику понял. Здесь затейник типа нашего Макса поработал, и судя по всему... – Тут Шарафутдинов прервался и попробовал пойти обратно, но, наткнувшись на сгрудившихся пацанов, неожиданно вспыл и злым шепотом выдал: – А ну, на хрен все отсюда! Метров на сто по коридору отойти и там сидеть безвылазно!

Я тут же добавил:

– Исполнять приказ! Пучков, отойти до третьего поворота и там ждать! Быстро!

Пока народ откатывался назад, Шах молчал, и только когда все скрылись в темноте, ухмыльнулся:

– Вообще-то, Илья, к тебе это тоже относится.

Поправив автомат, я миролюбиво ответил на наглость напарника:

– Пойду, если ты за проход возьмешься. А сейчас мне просто интересно, что ты в коридоре искать собрался?

– Заряд. Тут недалеко, судя по всему, должен быть заряд, замаскированный в стене. Там, в растяжках, наверняка что-то маломощное, а если это тралить, то удобнее всего отсюда. – Шах остановился и, высвечивая стенку, кивнул: – Угу, а вот и он.

А потом, показывая на замазанный какой-то грязью участок стены, кирпичи из которого только что не выпадали сами, пояснил:

– По задумке фрицев, тот кто будет это снимать, из-за поворота, рассчитывая, что находится в укрытии, кидает «кошку» и тянет. А основной заряд – вот он, прямо над головой. И судя по всему... – Марат осторожно вынул один кирпич и заглянул в отверстие. – Да, судя по всему, тут килограммов восемь. Поэтому ход гарантированно завалит. И всех, кто в нем находится. Так что, командир, я сейчас всем этим займусь, а ты, от греха, иди к ребятам.

– Хочешь большой заряд снять?

– Я не псих. У него наверняка стоит элемент неизвлекаемости «на разгрузку». Так что максимум – детонатор сниму.

– Может, хоть фонарик тебе подержать, подсветить?

– Не надо. Я как закончу, вас позову.

– А ту, что за углом, все-таки тралить придется?

Если сейчас Марат скажет «да», то с мыслями поймать кого-нибудь из подземных жителей придется распрощаться. Услышав взрыв, они моментально смоются. Шансов на то, что мы здесь найдем людей, конечно, очень мало, но ведь они есть, и очень не хотелось бы эти шансы профукать. С другой стороны, приказывать Шарафутдинову снять практически неизвлекаемую мину я тоже не могу. Но мудрый Шах, у которого в голове наверняка были похожие мысли, успокоил:

– Я постараюсь сделать проход. Посижу, подумаю и сделаю. У меня и «прищепки» есть, так что все должно получиться.

После этих слов сапер, не обращая больше ни на что внимания, начал выкладывать перед собой зеркальце, целлулоидную линейку, складной немецкий нож, «крокодилы» с куском про-

вода и прочие узкоспециализированные причиндалы. Глядя на приготовления, я еще раз предложил помощь, но опять получив отказ, потопал к мужикам.

Первые минут десять все сидели как на иголках, прислушиваясь и стараясь уловить хоть какой-то звук из коридора. Но там было тихо и, переведя дух, мы стали тихонько общаться между собой. Потом у меня начала мерзнуть мокрая нога, и я очередной раз уверился в правильности решения не ходить по затопленному коридору.

Пока ждали, я несколько раз порывался пойти посмотреть, как дела у Шарафутдинова, но постоянно сам себя останавливал.

А еще через час в темноте появился луч фонарика, и мы ломанулись навстречу идущему Марату. Я быстрым лосем доскакал до него первым и на выдохе выпалил:

– Ну как?

Напарник, глядя на мою физиономию, победно ухмыльнулся:

– Проход есть!

– Ну молоток, братан!

От избытка чувств я крепко прижал Марата к себе и только тут понял, что он весь взмокший. М-да... сложный ребус в этот раз парню достался. На пустом месте наш подрывник мокрым как мышь не станет. Только с этим надо что-то делать, а то еще через пятнадцать минут его начнет от холода трясти. Поэтому я молча начал сдирать с себя разгрузку и гимнастерку, чтобы отдать нательную рубашу Шаху. Тот, понимая правильность решения, даже брыкаться не стал и, переодевшись, пошел показывать нам сделанный проход.

Подойдя к обезвреженной ловушке, Шараф показал выстриженную в проволоочной паутине дыру и пояснил:

– Вот тут, ползком вдоль стеночки, мы и пройдем. Не дыша, на цыпочках. И не дай бог вам что-нибудь зацепить. Все понятно?

Гек, присев перед лазом, сумрачно посмотрел на сапера и пробурчал:

– У меня на брюхе цыпочек нет. Что, пошире нельзя было сделать?

– Нельзя... Остальные растяжки я так и не разъяснил...

Дав легкий подзатыльник Пучкову, я прервал его причитания и, оценив размеры хода, скомандовал:

– Первым идет Шах. За ним я. Потом Змей и Даурен. Гек – замыкающий.

Пацаны только кивнули, а я, глядя, как Марат примеривается ползти, добавил:

– Шараф, ты как на ту сторону перейдешь, сразу глянь, нет ли там еще сюрпризов.

– Хорошо, командир. Конечно, вряд ли ход по всей длине заминирован, но я лучше сейчас постоянно впереди идти буду.

На том и порешили, после чего, просочившись без происшествий через сделанное отверстие, еще минут двадцать шли за Маратом, как гусята за гусыней, пока не дошли до этой развилки.

Тут уже я вылез вперед и, отодвинув сопящего Шарафутдинова в сторону, принялся оглядываться. Пользуясь заминкой, примолкший Леха, который ушиб колено и теперь хромал на обе ноги, опять начал бурчать, в этот раз на Искалиева:

– Все люди как люди – Беляева читают и Толстого. А этого «мудреца» к французской классике потянуло... Нарвемся сейчас на мину хитрую – даже хоронить не надо будет, и так уже под землей!

Я, наконец выбрав направление, повернулся к мужикам, сказав:

– Идем в правый коридор. Налево мы уже один раз ходили, так что пора менять концепцию. И еще – Гек, будешь гундеть, отправлю обратно! На хер мне тут инвалиды плачущие нужны. А Даурен молодец – вовремя про французов вспомнил! Без его идеи все до сих пор бы по замку вхолостую лазили... О! Кстати, Искалиев... мы тут подумали, и я решил – как поклоннику галльской беллетристики быть тебе отныне Жаном!

- Принято, командир!
- Ну и добре. Тогда потопали дальше...

* * *

Пройдя метров пятьдесят и встретив по пути еще одно ответвление, которое оказалось заваленным, мы, следуя изгибу хода, неожиданно вышли в большой зал. Помещение метров пятнадцать на пятнадцать, со множеством колонн и каких-то ниш по стенам. Но это я потом заметил. Вначале же, буквально на входе, в лицо пахнуло свежим воздухом. В тех коридорах, где мы шли до этого, атмосфера была спертая и душная, а здесь ощущался сквознячок.

Почувствовав на лице прохладу, я вскинул предупреждающим жестом руку и, остановившись, выключил фонарь. Шедшие за мной моментально затихли, и где-то с минуту мы прислушивались и приглядывались. Правда, глядеть было некуда – тьма египетская. Да и слушать нечего. Поэтому, включив фонарик, свет от которого резанул глаза не хуже прожектора, осторожно двинул вперед, где и разглядел все это подземное сооружение. После узкого хода оно впечатляло...

До сводчатого потолка было метра три. Массивные колонны, которые поддерживали купол, располагались ближе к стенам, а посередине зала стоял большой каменный стол. Еще присутствовали металлические держатели, в которых кое-где торчали погасшие факелы. В ближнем от коридора углу виднелось круглое, выложенное кирпичом отверстие. Судя по ведру, стоящему рядом, – еще один колодец. Вообще, обстановка сильно напоминала картинку из компьютерной игрушки. Не хватало только скелета, прикованного ржавыми цепями, и подвывающего привидения.

Хотя кандалы присутствуют – вон на этом каменном столе лежат и цепи и оковы. Жертвоприношениями тут, что ли, развлекались? А может, обычная пыточная? С другой стороны, для пыточной размеры уж очень большие. И вони, характерной для таких мест, нет... Епрст! Да какая разница, что тут было раньше. У нас сейчас задача совершенно другая, и отвлекаться на гадания – только время терять! Страхнув с себя довольно мрачные ощущения, навеянные окружающей обстановкой, я еще раз провел желтым пятном света по стенам, приказав:

- Осмотреться. И осторожней там!

Ребята шустро рассосались по помещению, и уже через несколько секунд Змей с другого конца зала громким шепотом доложил:

- Командир, тут дверь.
- Не трогай ее!
- Да я и не трогаю...

Пройдя вперед, увидел Козырева, стоящего перед небольшой деревянной дверью с массивным кольцом вместо ручки. А над этой дверью, что характерно, висела забранная в решетку электролампочка. Так... похоже, начинается цивилизация. Оглядев потемневшие доски, я спросил у подошедшего Марата:

- Как считаешь – ловушки есть?

Шарафутдинов только что не обнюхал возможный выход, а потом, пожав плечами, ответил:

- С этой стороны – чисто. А с той... я не волшебник, поэтому ничего сказать не могу.
- И что делать будем?

Шах вздохнул и предложил:

- А что еще делать? Открывать надо... вы пока давайте, за колонны уходите.

Глянув на заострившееся лицо нашего подрывника, я возразил:

– Ты уже сегодня по краю прошел. Теперь моя очередь, тем более никаких особых навыков сейчас прилагать не надо, – и видя, что он пытается что-то возразить, жестко добавил: – Это приказ! Двигай вместе с остальными в укрытие.

Марат, коротко ругнувшись, побрел к столу, а я, дождавшись, когда все отойдут в дальний конец зала, осторожно надавил на дверь, рассчитывая в приоткрывшуюся щелку рассмотреть, нет ли с той стороны какой-либо подланы. Дверь не поддавалась. Надавил сильнее, а потом, поняв, что преграда даже не шелохнулась, стал ее толкать изо всех сил. Фиг вам! Мысль, что там может быть подвешен нехилый заряд взрывчатки, и соответственно связанный с этим страх куда-то пропали. Осталось только недоумение – почему она не открывается?

Попыхтев с полминуты, не добился ничего, только ладонь занозил. Ладно, не хочет по хорошему, значит, будем действовать, как обычно! Сойдя со ступенек, я снял автомат и, прислонив его к колонне, попробовал атаковать дверь с разбега. Неудачно... дело закончилось тем, что, поскользнувшись на второй ступеньке, совершил короткий полет и врезался в доски головой.

Видимо, от удара мозги наконец заработали и стало понятно, что дверь не разохлась и не заклинила, как мне казалось раньше. Она элементарно заперта. Тем временем мужики, прислушивавшиеся к моей безуспешной борьбе, после последнего «бум», раздавшегося, когда я башкой забодал препятствие, повылезали из укрытий. Подошедший Гек ехидно поинтересовался:

– Что, Данило-мастер, не выходит каменный цветок? А на себя тянуть не пробовал?

– Умный, да? Ты на петли посмотри – видишь? И я их не вижу. Значит, открывается в ту сторону.

Упертый Пучков моим объяснением не удовлетворился, а несколько раз дернул за кольцо. Дверь, как и следовало ожидать, даже не дрогнула. Марат, глядящий на эти попытки, заметил:

– Наверное, на засов заперта. И где он крепится – непонятно. Да и просто так ее не выломать – вон как железными полосами оббита!

Я уже отошел от удара и, почесывая гудящую макушку, внес предложение:

– Рвать надо. Как бы ни хотелось все сделать по-тихому, но другого выхода не вижу.

На эти слова Змей резонно возразил:

– Тогда, если там фрицы есть, они сразу поймут, что к ним гости пожаловали.

– Да и хрен с ними! Вариантов ведь больше нет. Блин, и гранатой эту дверцу не возьмешь... Может, у кого противотанковая есть?

Мужики переглянулись и замотали головами, а Шах ответил:

– Не надо ударяться в ересь глобализма. Ты бы еще авиабомбу предложил использовать. Зачем? Я ее сейчас вскрою аккуратненько, с малым шумом.

Вот, конь педальный, моим же выражением насчет глобализма меня и приколол. Я уже хотел было достойно ответить, но в этот момент капитан достал из кармана разгрузки шматок трофейной итальянской «мастики» и, отщипывая от нее кусочек, задумчиво посмотрел на дверь. Увидев этот взгляд, я чуть не кубарем скатился со ступенек и, прошипев «Все за мной!», быстро рванул в сторону каменного стола.

На фиг, на фиг! Когда у Марата глаза начинают светиться таким особенным блеском, то надо тикать как можно дальше и пережидать устроенный им «бабах» в хорошем укрытии. Ребята тоже были ученые, поэтому мой приказ выполнили без промедления, моментально разбежавшись по всему залу.

Через пару минут я, глядя, как Шарафутдинов, мурлыкая себе под нос, обжимает в детонаторе подозрительно короткий хвостик огнепроводного шнура, передернулся и, усевшись на пол за массивной ножкой стола, широко открыл рот, приготовившись к крику «Бойся». И он

раздался, но вслед за этим произошло сразу несколько событий. После марадовского предупреждения послышался странный глухой удар, потом металлическое бляканье, вскрик и маты.

Выставив голову из укрытия, в свете лежащего на полу фонарика я с удивлением увидел открытую дверь, валяющуюся на ступеньках канистру и улепетывающего на четвереньках Шаха. Не понял... Что это там произошло? Почему дверь уже открыта, а наш подрывник показывает рекорды по бегу на четырех конечностях? И откуда канистра взялась? Но спросить ничего не успел, потому что в эту же секунду долбанул взрыв, который меня ослепил и оглушил.

Плюхнувшись от неожиданности на задницу, я только и смог, что раздраженно ругнуться. Но сильно развить тему косоруких пиротехников мне не дали, так как Марат с криком «Держи его» исчез в открывшемся проходе. Перед глазами еще плавали зайчики, поэтому я чуть не на ощупь двинул за ним. Перешагнув через канистру, только подумал: «Кого интересно мы ловим?», как в десяти шагах дальше по коридору, промигавшись, увидел лежащее тело в гражданском прикиде. Возле него уже находились Жан с Маратом. Искалиев стоял, направив фонарик и ствол в глубь хода, а Шах сидел на корточках возле гражданского. Подбежав ближе, я спросил:

– Живой? Дышит?

– На ладан он дышит. Вон, болт дверной из затылка торчит. Похоже – хана фрицу...

Шарафутдинов вытер окровавленную ладонь о пиджак полудохлого немца и поднялся. Тем временем проскочившие вперед Гек и Змей тормознулись возле поворота и, заглянув за него, одновременно отпрянули. Тут же с той стороны раздалась автоматная очередь, а ребята, выдернув из разгрузки по гранате, на «три-четыре» запустили подарочки в невидимого мне стрелка.

Блин! Как-то все слишком быстро завертелось. То ползали улитками в темноте и тишине, а теперь совсем не понятно, что творится. Крики, стрельба, самооткрывающаяся дверь...

Двойной взрыв, смягченный поворотом тоннеля, стеганул по ушам, и я наконец вышел из транса:

– Хер бы на этого жмура! Давай вперед! Постараемся стрелков живьем взять, если получится!

И мы побежали за ушедшими вперед бойцами.

В нескольких метрах за поворотом оказалась еще одна дверь, на этот раз распахнутая настежь. А практически прямо на проходе лежал покрошенный осколками эсэсовец, с погонами оберштурмфюрера, уткнувшийся лицом в STG-44. М-да... при жизни покойник отличался либо запредельной храбростью, либо такой же глупостью. Город русскими занят две недели назад, а он свою черноворотниковую форму до сих пор не сменил. Выходит – в плен этот хмырь точно не собирался...

Ну и флаг ему в руки, только если так и дальше пойдет, то вместо говорливого «языка» мы будем иметь исключительно молчаливых жмуриков. Тем более что немцев тут мало осталось.

Данный вывод напрашивался после того, как я осветил помещение. Это была небольшая комната, в которой помимо стола, каких-то ящиков и нескольких табуретов стояло пять коек. На столе, среди кружек и мисок, лежали остатки сухпайка, который обычно выдают немецким парашютистам. Там же торчали два больших аккумуляторных фонаря. Рядом, на маленьком столике, примостился примус. Еще четыре фонаря висели на стенах, но все они были погашены. В дальнем углу рядком выстроились узкие десятилитровые канистры, несколько больших автомобильных аккумуляторов и рация, антенна которой уходила куда-то в отверстие вентиляции. В общем, комната была вполне обжитой. А если так, то, судя по койкам, в ней жило пять человек, двоих из которых мы уже ухлопали.

М-да, тщательнее надо работать... Пока я оглядывался, топот впереди стих и раздался крик Гека:

– Командир, тут опять дверь запертая! А фрицы именно сюда нырнули.

Епрст! Да сколько тут этих дверей?! Но медлить нельзя – с каждой секундой подземные жители уходят все дальше. Поэтому, подбежав к препятствию, поторопил нашего подрывника:

– Марат, рви ее быстрее. – И пока он возился с взрывчаткой, спросил: – Что за байда там случилась? Почему ты на четвереньках бегал?

– А... – Шарафутдинов мотнул головой и, пристраивая комок «мастики» к косяку, ответил: – Только шнур поджег, как засов с той стороны стукнул и дверь открылась. А я на корточках сидел и даже среагировать не успел, когда этот гад по мне, как по мячу, пробил. Потом еще канистрой сверху добавил и тикать. Он в одну, а я в другую сторону, так как шарахнуть вот-вот должно было...

К концу своей речи он закончил делать закладку и, чиркнув спичкой, сказал:

– Все в коридор!

Мы ломанулись подальше, а когда Марат добежал до нас, раздался взрыв. Из прохода выметнулось пыльное облако, и я, отплеываясь, подбодрил ребят криком:

– Вперед, вперед! Не тормозить! И гранатами старайтесь не очень, а то всех положим!

Про гранаты я вовремя напомнил, увидев, как Жан выдернул из кармана разгрузки бочонок РГ 42. После моего предупреждения он сунул ее обратно и нырнул в еще не осевшую пыль. Я, идя следом, думал, что у немцев есть фора минуты в четыре. На их стороне еще и хорошее знание здешних ходов. Но если не будет никаких развилок, то мы их загоним. Никуда эти дети подземелья не денутся.

Про развилку я сглазил... Пробежав по коридору еще метров пятьдесят, моя команда уперлась в это самое разветвление. Зараза! И ведь никаких следов на полу нет, поэтому, куда свернули беглецы, мы узнать не сможем. Значит, как бы этого не хотелось, надо разделяться. Еще несколько секунд лихорадочно крутил фонарем, вглядываясь в оба коридора, и потом принял решение:

– Я с Маратом иду прямо. Остальные – в левый ход. Если там опять завал или тупик, возвращаетесь и двигаете за нами. Мы поступим так же. И главное – на рожон не лезьте... Все, разбегаемся!

Хлопнув каждого ныряющего в черноту хода парня по плечу, я повернулся к Шаху и, подмигнув, выдал:

– Ну что, тряхнем стариной? Утром нос щеглам?

– Отож! Главное, чтобы немцы именно в этот коридор нырнули...

– Будем надеяться. Погнали!

И мы рванули вперед.

Глава 5

Уже через сто метров после очередного поворота стало понятно, что средневековая романтика закончилась. До этого то, что на дворе двадцатый век, показывал только кабель-рост с проводами, идущий под кирпичным сводчатым потолком. Зато сейчас мы выскочили во вполне современный бетонный ход. Кабели шли в нише правой стены, а слева проходили какие-то трубы. Через каждый десяток метров под потолком висела лампочка. Правда, иллюминация не работала, но нам это неудобств не доставляло – фонари после очередной смены батарей светили достаточно ярко, а бежать по ровному и не усыпанному осколками кирпичей полу было одно удовольствие. Тревожило только одно – двери. В подобных местах обычно ставят металлические двери с клиновыми запорами. Если упрямся в такую, считай все – приехали. Но пока их нет, надо наращивать скорость. Только хотел прибавить, как вдруг бегущий сзади Шах окликнул:

– Командир, смотри!

Резко затормозив, я остановился и оглянулся. Шарафутдинов что-то стер пальцем с пола и, теперь разглядывая его, обрадованно сказал:

– Кровь! Свежая! Видно, кто-то из фрицев ранен!

– Это здорово, значит, они медленнее нас идут. Так что – ходу, ходу!

А после еще одного изгиба тоннеля мы увидели спины преследуемых. Рысящий впереди тащил на закорках какого-то мужика, одетого в пальто, и даже не сбился с шага, когда его осветили наши фонарики. Зато третий, который шел последним, увидев отсвет, тут же развернулся и, выхватив пистолет, открыл огонь. Но долгий бег и волнение не располагали к меткости. Пули с противным воем рикошетили от стен, и только одна прошла прямо возле уха, заставив рефлекторно вжать голову в плечи.

Нет, так не пойдет. Если мы еще ближе подойдем, то в этой кишке он нас просто расстреляет – здесь ведь укрыться негде. И ждать нельзя: я даже отсюда вижу ту самую металлическую дверь, которую так опасался встретить. А несущий раненого до нее не дошел буквально пару десятков метров. Поэтому, призвав рикошеты, которые могут положить немцев, упав на колено, дал длинную очередь над головами беглецов, рассчитывая их хоть немного напугать. Пули еще взвизгивали впереди, когда я, почти тут же перенеся прицел, вlepил трехпатронную по ногам стрелка. Судя по тому, как его скрючило – попал. Пытаясь выиграть время, пока раненый не отошел от шока, я рванул будто на стометровке. Почти успел...

Когда был от него в нескольких шагах, то увидел, что недобиток, закусив губу, поднимает пистолет. Мой фонарь, болтавшийся на шнурке, ни хрена не освещал, зато оставшийся сзади Марат своим ручным прожектором давал очень хорошую подсветку. И в этом свете отверстие ствола, глянувшего мне в глаза, показалось катастрофически огромным. Тут уже стало не до живых языков – самого бы не ухлопали! Заработавший на полную катушку инстинкт самосохранения заставил нырнуть рыбкой и, одновременно вскинув автомат, доработать остатки рожка в бледное лицо немца. Куда метил, конечно, не попал, но из десятка выпущенных пуль несколько нашли свою цель, и все-таки успевший сделать выстрел немец плавно завалился на спину. Я же брякнулся на бетон, как лягушка, – ободрав себе руки, колени, подбородок и отбив пузо. Сгруппироваться не успел, поэтому и шваркнулся так, что аж зубы клацнули. Но шипеть от боли и восстанавливать дыхание не было времени. Последние два фрица уже открывали дверь и через несколько секунд, захлопнув ее, оставят нас с носом.

Я только начал подниматься, как перепрыгнувший через меня Шарафутдинов, сделав еще пару гигантских скачков, успел упереться в закрывающиеся препятствие. Глядя, как он пыхтит, скользя сапогами по бетону, мне пришлось шевелиться активней и быстренько присоединиться к нему. Против сдвоенного советского напора тевтонская немочь не протянула

даже нескольких секунд, и дверь распахнулась. Я, еще не отошедший от предыдущего падения, просто выпал в открывшийся проем, а Марат, ловко кувыркнувшись внутрь, дал очередь вверх и завопил:

– Хенде хох, хенде хох, аршлох!

Еще не поднявшись с пола, я поймал свой фонарик и осветил двух немцев, стоящих возле входа. То есть один – здоровый белесый детина, тяжело пыхтя, стоял задрав руки в гору, а второй, оказавшийся худощавым мужиком лет сорока–сорока пяти, сидел на одном из ящиков, которыми было в изобилии заставлено помещение. Ну, теперь можно выдохнуть, теперь они наши...

Покрахтывая, поднялся на ноги и, подойдя к молодому, поставил того в четвертую позицию. Ну, ее все знают – ноги пошире и подальше от стены, а руками упор на эту самую стену. Вообще, после подобной установки обыскиваемому полагается расслабляющий удар по почкам или между ног, чтобы не дергался, но я решил этим пренебречь. Просто у самого все тело после плюха на бетонный пол болело так, что совершать резкие движения лишний раз не хотелось. Поэтому ограничился легким пинком по косточке на ступне, раздвигая ноги «языка» пошире, и принялся охлопывать свежепойманную тушу со всех сторон.

Найдя, бросил на пол полную обойму для пистолета, только самого пистолета так и не нащупал. Зато снял с пленного холодное оружие, явно указывающее на его корпоративную принадлежность.

Нет, никакой «школой старой Магды» здесь и не пахло, все было гораздо проще. Этот ножичек имел на лезвии многозначительную надпись: «Моя честь зовется верность» и был обыкновенным эсэсовским кинжалом. Правда, судя по цепочке и ножнам, не совсем обыкновенным. Такие вещи давались только «старой гвардии», тем, кто вступил в СС до 1933 года. Так что «язык» попался заслуженный. А исходя из этого, для дальнейшего обыска удар по его почкам просто необходим – такие зубры легко не сдаются. Это вначале от усталости и неожиданности он лапки поднял и стоял тихим козликком. Зато теперь отдышался и все осознал, значит, вполне может выкинуть какую-нибудь пакость.

Бросив кинжал в сторону, я приготовился выполнить задуманное, но опоздал на какое-то мгновение. Блин, ведь знал же, что пренебрежение правилами всегда выходит боком, только не рассчитывал, что этот «бок» проявится настолько быстро. И главное, насколько точно был выбран момент атаки...

Эсэсовский нож только брякнул по полу, как вдруг у меня отцепился от крепления фонарь и, резанув лучом по глазам, упал под ноги. И тут же фриц из крайне неудобного положения нанес удар ногой, развернувший меня так, что сектор обстрела Марату я перекрыл напрочь. Как это у него вышло, ума не приложу, но тот удар получился на славу! Такое впечатление – как будто лошадь лягнула! Причем в самое уязвимое место. Больно было настолько, что ни вздохнуть ни выдохнуть. Даже крикнуть не получилось – смог лишь, выпучив глаза, схватиться за поврежденное хозяйство. А фриц, сорвавший с шеи согнувшегося лопуха-Лисова автомат, упал на задницу и, еще одним ударом ноги отправив меня в сторону напарника, яростно оскалившись, нажал на курок.

Когда я, в свете валяющегося фонарика, второй раз за последние пять минут увидел черный провал направленного в лицо ствола, в голове мелькнула только одна мысль: «Теперь точно – пипец...»

Но секунда прошла, я уже шлепнулся под ноги Шаху, только фриц так и не выстрелил. При этом морда у него из торжествующей стала вытянутой и недоуменной. В этот момент коротко прогрохотал автомат Шарафутдинова, и здоровяк, выронив оружие, как сидел, так и откинулся назад, глухо ударившись затылком о бетонный пол. Живые так не падают, поэтому можно считать, что с моим обидчиком покончено.

Но Марат этим не удовлетворился и, судя по звукам, принялся молотить второго «языка». Видимо, во избежание... Значит, теперь можно заняться собой. Обезболивающий адреналиновый выброс, который на несколько секунд отвлек меня от повреждений, нанесенных интимному месту, слегка поутих, и не в силах больше сдерживаться я промычал:

– У-у-у...

Как же мне, оказывается, больно! Аж глаза выскакивают и кажется, будто стали, как у рака – на стебельках. Неостанавливаемые слезы обильно потекли по щекам, полностью опровергая постулат насчет того, что мужчины не плачут. Плачут! Еще как плачут! В три ручья! Просто все зависит от повода...

– У-у-у...

Это неинформативное подвывание отвлекло Шарафа от обработки пленного, и он метнулся ко мне:

– Илья, фриц тебя что, зацепил? Ножом? Ты не молчи! Куда?!

– У-у-у!

Однотонный вой вверг напарника в смятение, и он начал лихорадочно лапать меня в поисках крови, должной бежать из страшной раны, которой наградили его друга. Лапанье сильно мешало сосредоточиться на отбитом месте, поэтому, собравшись с силами, я озвучил свои претензии более членораздельно:

– У-у-у... у-у-у, сука! Прямо по яйцам! Когда очухаюсь, я его второй раз убью! У-у-у!

Шах, поняв, что необратимых повреждений командир не получил, прекратил попытки его разогнуть и, лишь легонько похлопывая по плечу, успокаивал:

– Ничего, ничего... на пяточках попрыгаешь и все пройдет! А тому немцу уже все равно –дохлый он.

Потом, оставив меня в покое, подошел к труп и, подняв валяющийся автомат, начал его разглядывать. Отстегнул магазин, хмыкнул и, вернувшись, опять присел рядом.

Первая, самая сильная боль к тому времени несколько притупилась, и я, застыв скрюченной мумией, смог наконец перевести дух. Увидев, что глаза у командира из выпученных и бешеных стали более или менее нормальными, Марат сунул магазин мне под нос и спросил:

– Ты что, не перезарядился?

От этого простого вопроса я почти пришел в себя. Так вот почему фриц не стрелял! А ведь действительно – остаток патронов был выпущен в стрелка перед дверью. Потом я брякнулся всеми костями на пол так, что чуть дух не вышибло. И сразу, вскочив, побежал помогать Шаху открывать дверь.

Немец, захвативший мое оружие, просто не мог предположить, что оно будет без боеприпасов, потому что следить за ними у воевавших бойцов вбито на уровне инстинктов. То есть, по логике, магазин я должен был сменить совершенно автоматически. Но не сменил... И это нас спасло: ведь у того кабана целых две секунды было, пока я своей спиной Шаху цель перекрывал. Сквозь меня напарник выстрелить не смог бы, зато эсэсовец вполне мог прошить нас обоих одной очередью.

И вот интересно, к чему это отнести – к везению или к интуиции? Ну откуда мне было знать, что попадетсЯ противник с подготовкой не хуже, а даже лучше моей? А если интуиция мне это подсказывала, почему не подсказала, невзирая на боль в отбитом теле, перед обыском сразу садануть его покрепче и связать? Или все-таки за счет чистого везения в этот раз выжил? А Марат, видя, что на его первый вопрос я отрицательно покачал головой, задал второй:

– Как ты вообще умудрился так подставиться?

Как, как... каком кверху! Только теперь анализируя собственный промах, я понял, что имело место быть стечение сразу нескольких обстоятельств, о которых честно и рассказал:

– Еще там, в коридоре, сгруппироваться не успел и брякнулся так, что все нутро отбил. Поэтому и шевелился, как червяк полураздавленный. А когда к этому пленному второй раз

подходил, то фонарик отцепился. Поэтому начало движения фрица даже увидеть не смог – в глазах «зайчики» плавали. Вот он меня и достал...

– М-да... – Шах покрутил головой. – Это мы еще удачно отделались.

Я кивнул и вдруг понял, что отбитое тело не болит! Хозяйство болит, а все остальное прошло моментально. Видимо, правильно люди говорят, мол, «клин клином вышибают» и что при мигрени достаточно садануть себя молотком по пальцу, как голова пройдет сразу. Палец будет болеть, это да, зато головная боль прекратится. Только испытывать на себе это средство я точно не буду. Да и незачем – данный постулат только что подтвердился без всякого молотка...

А еще минут через пять я смог наконец осторожно разогнуться и даже с помощью напарника встать на ноги. Приняв почти вертикальное положение, огляделся. Пожилой фриц лежал лицом вниз на одном из ящиков. Лежал тихо, спокойно, не делая попыток перевернуться, и только иногда шевелил пальцами на связанных за спиной руках.

Молодец Шарафутдинов! Он его не только хорошо отоварить успел, но еще и связать. Только, видимо, в ажитации сильно перетянул петлю, и теперь второй «язык» пытается хоть как-то восстановить кровоток.

Кивнув в его сторону Шаху, я осторожно, как роженица, начал передвигаться по помещению, разминаясь и прислушиваясь к себе. Снимать штаны, чтобы разглядеть повреждения воочию, было попросту страшно. Хотя, с другой стороны, судя по саднящей боли на внутренней стороне бедра, тот резвый фриц немного промахнулся. Основная сила удара пришлась на ногу, а всему остальному досталось гораздо меньше, чем немец рассчитывал. В противном случае из меня моментально сознание бы вышибло. Но так как даже хожу самостоятельно, то все не настолько страшно...

Пока Марат снова вязал «языка», я после очередного круга решил немного передохнуть и остановился, опершись на стеллаж из ящиков. Отдыхая, вслушивался в себя, точнее в состояние той части организма, что находилась ниже пупка. Но чуть позже обратил внимание и на окружающую действительность: прямо перед носом оказался запор одной из этих упаковок. А на нем болталась пломба. Осветив ее, некоторое время просто стоял ни о чем не думая, а потом разобрало любопытство – что это тут фрицы спрятали, да еще и опломбировали? Эти зеленые ящики с орлами были похожи на гаубичные укупорки, но при чем тут пломбы?

Эта мысль увлекла настолько, что, прекратив заниматься самосозерцанием, я сорвал свинцовый кругляш и, щелкнув «лягушками» замков, откинул крышку верхнего ящика. Сверху лежало что-то типа вошеной бумаги, под которой обнаружили стандартные чертежные тубусы, упакованные плотно, словно патроны в цинке. Достав один из них, я немного побрякнул, переживая очередной приступ боли, и вытряхнул в руку рулон ватмана. Подсвечивая себе фонариком, пытался разобраться, что это за чертежи.

Вообще, на первый взгляд эти схемы напоминали детали двигателя. Кинув тубус обратно, я вытянул второй и убедился, что он плотно забит подобными бумагами.

Угу, понятно... Похоже, фрицы здесь заныкали документацию по какому-то крупному агрегату... а может, и не по одному агрегату – уж слишком много тары вокруг. Еще раз глянув на чертеж, я только зубом цыкнул – нет, это не для моих мозгов. Чересчур сложные. Простые чертежи я бы прочел без труда – в институте нам это хорошо вдолбили. Но тут что-то уж очень сильно навороченное.

В штампе было указано, что это Walter HWK и еще какие-то цифры. Я задумчиво почесал нос – что же получается: на «Карл Вальтер Ваффенфабрик» решили подкалымить и, помимо оружия, занялись производством движков? Хм... вроде подобные метания у немцев не приветствуются. Хотя кто их сейчас поймет...

Ладно, что тут гадать, кому надо – те разберутся, тем более что ход, который мы обнаружили, не на один километр тянется. Тут, судя по всему, разного барахла еще немерено складировано. Но этим пусть занимаются специально обученные люди, а то вскроешь такой вот

ящичек, а потом кишки по потолку собирать придется... Епрст! До меня только сейчас дошло, какую несусветную глупость я только что совершил! Ведь знал же, что в подобных местах фрицы не просто любят, а прямо-таки обожают оставлять различные «сюрпризы» для непосвященных. Мину или термитный заряд в ящик сунуть да насторожить – много ума не надо. А вот у меня, похоже, мозги стали атрофироваться, если о такой простой штуке забыл. В раздражении плюнув на открытую крышку, я зябко передернулся и прикинул, что пора отсюда выбираться, а то с самого начала мне как-то не везет. Тем более, имея на руках раненого фрица и ушибленного командира, все равно много не побегаешь. Да и батарейки к фонарям кончаются...

Голос из угла помещения отвлек меня от ближайших планов на будущее, и я потопал к Шаху, который занялся предварительным допросом пленного. Тот уже сидел и, глядя преданными глазами на Марата, раскалывался вдоль и поперек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.